

ГАЗЕТА ОБ ИСКУССТВЕ

THE ART NEWSPAPER RUSSIA

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ

Павильон России и другие российские проекты на 56-й Венецианской биеннале

The Russian Pavilion

and other Russian projects
at the 56th Venice
Biennale

РУССКИЕ ПРОЕКТЫ RUSSIAN PROJECTS

Glasstress 2015 Готика

Задуманный Адриано Беренго, владельцем муранской стекольной фабрики *Berengo Studio*, проект *Glasstress* пройдет в Венеции уже в четвертый раз. Беренго решил вывести традиционное и по обыкновению считающееся ремесленным производство художественного стекла на новые высоты, где оно могло бы вписаться в контекст современного искусства. На фабрику пригласили художников и дизайнеров и предложили пофантазировать — придумать произведение искусства с использованием стекла или целиком из него сделанное. С помощью мастеров студии самые смелые задумки приводят в соответствие с техническими возможностями, после чего раскаленная масса превращается в арт-объекты, скульптуры и инсталляции. Очередная экспозиция в одном из самых нарядных венецианских дворцов, палатца Франкетти, не станет исключением: в ней принимают участие 50 художников из 20 стран, в их числе Дамиен Херст, братья Чепмен, Илья и Эмилия Кабаковы, Вазль Шавки, Тони Крафт, Жоана Вашконселуш, Тони Мателли, Вим Дельвуэ, а также восходящие русские звезды Иван Плоц, Ольга Трейнас, Аслан Гайсумов.

Концепцию выставки, названной *Готика*, разработал заведующий отделом современного искусства Государственного Эрмитажа Дмитрий Озерков. Он выстраивает параллели между готическим стилем и современным искусством. Основное сходство заключается, по его мнению, в том, что и готика, и современное искусство оказываются универсальным художественным языком, преодолевшим культурные барьеры: как готика стала в Средние века первым интернациональным стилем Европы, так и современное искусство сегодня является интернациональным стилем всего мира.

Готическое и современное искусство одинаково восприимчиво к другим художественным стилям. Да и в общественном плане с «темными веками» нас связывает гораздо больше, чем нам бы того хотелось. Как объясняет Дмитрий Озерков, мы снова живем в переходное время, когда прежние идеалы развенчаны, а новые еще не пришли им на смену. И в этом междуцарстве остается только одна верная точка отсчета — искусство.

В экспозиции исторические изделия из стекла соседствуют с работами, сделанными современными художниками специально к биеннале (не говоря уже о том, что в интерьере самого палатца Франкетти можно увидеть великолепные люстры из муранского стекла). Поддержать идею готического междуцарствия из Эрмитажа придут средневековые стеклянные изделия из коллекции Александра Базилевского — русского дипломата, продавшего свое собрание музею в конце XIX века. Будут в экспозиции и другие готические предметы: монстрации, в которых хранили мощи святых, реликварии, стеклянные распятия.

Помимо палатца Франкетти, экспозиция займет помещения *Berengo Glass Center* на острове Мурано. Здесь будут выставлены исключительно современные художники, которым *Готика* предоставила простор для размышлений — от готической мифологии со Святим Граалем и рыцарями Круглого стола до магии и философии, от макабрических картин Средневековья до современных отсылок к «темным векам».

GLASSTRESS
СОВМЕСТНО
С ЭРМИТАЖЕМ

Палатца Франкетти
и Фонд Беренго
9 мая – 11 ноября

GLASSTRESS
AND THE STATE
HERMITAGE
MUSEUM

Palazzo Cavalli-Franchetti
and Berengo Studio
9 May – 11 November

Ivan Plush. *The Mission
of Disappearance of Fallens, 2015*

Иван Плоц, *Коллекция исчезновения
полотна, 2015*

Conceived by Adriano Berengo, the owner of the Berengo Studio, the "Glasstress" project will launch in Venice for the fourth time. Berengo decided to take the traditional artisanal craft to its new heights and fit it into the contemporary art context. The factory has invited artists and designers and encouraged them to give their fantasy a free rein. More than 50 artists from twenty countries will take part in the show, including Damien Hirst, the Chapman Brothers, Ilya and Emilia Kabakov, Wael Shawki, Tony Cragg, Wim Delvoye, as well as Russian ascending star artists Ivan Plush, Olga Treynas and Aslan Gaisumov. The show named as "Gothika" ("Gothick") will be curated by Dimitry Ozerkov, the head of the State Hermitage Museum Contemporary Art Department. He draws parallels between the Gothic art as the first truly international style, and between the contemporary art spreading across the globe, claiming both have universality of their language as a feature in common. The Hermitage Museum will mount an exhibition display of medieval masterpieces, made of glass, once in the collection of the Russian diplomat of Alexander Bastiulevsky. Other works on the Hermitage Museum display will include moonstrains, reliquaries and crucifixes made of glass.

Аслан Гайсумов, самый молодой автор в коллекции Эрмитажа

Aslan Gaisumov, the youngest artist in the State Hermitage Museum collection

Недавно инсталляция *Земляника* (2013), работа самого молодого участника выставки *Готика* Аслана Гайсумова (род. 1991), была подарена Фондом поддержки современного искусства «Винзавод» Государственному Эрмитажу. И стала одной из первых современных работ в коллекции мирового музея.

Гайсумов родился, живет и работает в Грозном. Окончил Московский колледж дизайна, затем Институт проблем современного искусства. Первая персональная выставка Гайсумова *Без названия (Война)* состоялась в 2011 году в московском Центре современного искусства «Винзавод», на площадке «Старт», специализирующейся на открытии новых имен и поддержке молодых художников. Гайсумов представил там впечатляющую серию объектов: несколько изрезанных, продырявленных, присыпанных землей книг. «Проектом *Без названия (Война)* я занимался несколько лет и не думал, что его выставлю, это предназначалось скорее, воображаемому зрителю», — вспоминает Аслан Гайсумов. За эти истеричные, теперь очень узнаваемые томики Гайсумов получил приз 3-й Московской биеннале молодого искусства.

На 5-й Московской биеннале современного искусства художник представил новую инсталляцию *Земляника* — подсвеченные ворота частных домов, изрезанные пулями. «Ворота в чеченской культуре, помимо практической охранительной функции, имеют символический смысл — как лицо дома, показатель статуса и своего рода портрет его владельцев. Аслан ездил по разным селам в Чечне и собирал ворота со следами пуль и осколков — в обмен на новые ворота. Игра со светом, принесенная в реальный объект, — это прием, который обнажает насилие войны и одновременно служит символическим жестом: свет заполняет собой место, где должен стоять дом, обозначает границы исчезнувшей реальности, в прерванной мирной жизни», — рассказывает куратор Елена Ячичикова. В прошлом году *Земляника* была представлена проектом «Старт» в параллельной программе европейской биеннале *Manifesta* в Петербурге в Кадетском корпусе. «Я постоянно получаю сообщения от незнакомых мне людей с их вариантами прочтения этой работы. Одновременно произведение и документ, *Земляника* стала частью эрмитажной коллекции, и я теперь думаю об этом новом контексте: не каждый музей имеет такое собрание самых разных культур и эпох», — говорит Аслан Гайсумов.

«То, что Эрмитаж заинтересовался работой Аслана, для нас важно и приятно, так как мы наблюдаем, как воплощается основной замысел проекта «Старт» — предоставлять шанс для молодых художников быть замеченными профессиональным художественным сообществом», — говорит президент фонда «Винзавод» Софья Троицкая.

Recently installation "Elimination" (2013) by Aslan Gaisumov (1991), the participant of "Gothika" show, has been presented to the State Hermitage Museum by the Winzavod Foundation for Support of Contemporary Art. It is listed among the first works entering the Hermitage collection of contemporary art. Aslan Gaisumov was born in Grozny, Chechnya, he graduated from the Moscow College of Design and Institute of the Problems of Contemporary Art. His first solo show took place at Start, space for promotion of young artists at Winzavod Center in Moscow. The artist presented "Elimination" at the 5th Moscow Biennale for Contemporary Art: the work featured the gates of private houses riddled with bullets and lit up on the inside. Curator Elena Yachnikova explains, "The gates in Chechen culture, apart from their guarding function, bear a symbolic meaning as the face of our house, as a demonstration of status, and a portrait of the owners. Aslan travelled through different Chechen and collected the gates with traces of bullets and splinters — he got them in exchange for new gates. The play of lights introduced to a real object is a device which reveals the violence of war." In 2014 the "Elimination" took part in the parallel exhibition project within the framework of the Manifesta, the European Biennale which took place at St. Petersburg.

«It is very important for us that The Hermitage adopted Aslan's work. The main idea of Start project is to give a chance to young artists to be seen by professionals of art», — says Sofiya Troitskaya, the President of the Winzavod Foundation.

ПАВИЛЬОН ТЕЛЛУРИИ

Палатца Рокка Контарини Корфу

7 мая – 4 июня

О новом Средневековье рассказывает совместный проект писателя Владимира Сорокина и художника Жени Шефа — *Павильон Теллурии*, фантасмагорической страны, описанной в одноименном романе Сорокина. Главная интрига — в том, что знаменитый писатель, получивший когда-то профессиональное художественное образование, представит в новом качестве живописца.

THE TELLURIA PAVILION

Palazzo Rocca Contarini Corfu

7 May – 4 June

The New Middle Ages is the focus of the project jointly launched by the writer Vladimir Sorokin and the artist Zhenya Shefa in the phantasmagorical country described in Sorokin's novel with of the same title. That country is supplying the entire world with dreamy telluria. The major intrigue consists in the fact that the famous writer, once trained as an artist and widely known among Moscow conceptualist artists, is going to act in a recently rediscovered capacity of a painter.

лишь созерцатель

СОНИЯ ТЕРЕХОВА

Иван Плигоцкий. Петербург, 2009 г. Холст, нет. Иллюстрация

КАЖДЫЙ ХУДОЖНИК в своем движении к законченному произведению выбирает индивидуальные, лишь ему понятные пути. Логика движения часто становится сутью самого произведения, причем траектория может служить и подсказкой для зрителя, и оказаться лабиринтом, выход из которого автор по той или иной причине не указывает. Иван Плигоцкий — художник, который крепко держит в руках нить своего повествования. Открытость его художественного монолога можно сравнить с извилистой горной рекой, течение которой может быть опасным, но имеет определенное русло. Честность его проявляется в чужости и ксении изобразительного ряда. Плигоцкий отстраняется от метафизики и соцреализма, он реалистически описывает ситуацию, связанную с «ненастоящностью», текучестью и иллюзорностью человеческого восприятия мира.

Первое, что отмечаешь, знакомясь с его творчеством, — высокое качество и легкость исполнения весьма формальных и фундаментальных произведений. Это предполагает ясность мышления, и основательное художественное образование, что для такого молодого автора открывает большие перспективы развития.

Ивану 28 лет, он вырос в Питере, учился в художественном училище, а впоследствии выбрал кафедру монументально-декоративной живописи академии им. В. Мухомовой. Переход художника с академическим образованием в сферу актуального искусства встречается не часто, и он не прост.

Плигоцкий появился на арт-сцене в 2006 году, быстро получил первое признание. Уже сейчас его работы находятся во многих серьезных коллекциях, а ведущие московские галереи соперничают за право представления его искусства. Он неожиданно успешен практически в каждом проекте, при том, что обращается к разным темам и стилистикам. Это предполагает определенную будущность, проявление более глубокого смысла в перспективе. Иван, несомненно, понимает эту особенность своего пути: «Я не отношусь к художникам-идеологам, страдающим теоретической узкопрофильностью».

Впервые я познакомилась с творчеством Ивана на Виназаводе в галерее «Ателье №2», где в это время проходила выставка «Трофей города» (2008). В полупустых залах по стенам висели полотна на выкройки плоские проекции автомобилей, а в центре лежал роскошный травяной ковер, по форме соответствующий «скальпу» машины. Декоративность и внешне отстраненное эстетство оказались проявлением внутреннего качества. А идея выставки была практически репортажной. Рассказывая о нераздельной связи «человек — машина», Плигоцкий дал традиционалистскую трактовку современному человеку: то ли он охотник, который безоглядно и до конца стремится к новизне, то ли жертва цивилизации, которая каждый день меняет один достижением на другое.

Мастерская Ивана в той части Питера, где обычно нет ни шумных летних туристов, ни модной молодежи. Обычное офисное здание, граничащее с пустырем. Все здесь рождает ощущение отстраненности и обидности. Мастерская Ивана и его жены Ирины Дрозд находится в конце длинного коридора, где на этаже еще 15 комнат. Это студия с красивым названием «Непокоренные». Что существенно отличает ее от скота — это уровень профессионального качества, организованности, которые, правда, не отрицают бегимого сосуществования с коллегами: тут часто проходят фестивали, вечеринки, выставки.

Ирина и Иван учились вместе в академии, и когда Ирину отправили на стажировку в Берлин, в Высшую школу искусств, к ней через какое-то время приехал Иван.

Будучи успешными учениками в своей среде, они столкнулись с непривычной традицией, которая оказалась новым стимулом и осознанию накопленного за время обучения в академической среде опыта. Ирина рассказывала о своем удивлении от того, что, попав в европейскую школу, она, не заметив никаких формальных требова-

ний, помимо необходимости осознания цели своих экспериментов. Именно с этим новым подходом ребята вернулись в привычную питерскую среду. По словам Ивана, это и определило его самостоятельное движение в области современного искусства.

В момент нашей встречи Иван готовился к персональной выставке в Париже. Проект «Ателье» связан с диссоциацией человека под давлением реальности, растворением личности в потоке информации — тема, которую уже не раз обыгрывали в постмодернистской трактовке. На больших по формулу работах представлена словно застывшая картина из телевизионного репортажа. Картина очень узнаваема, единственное отличие — говорящий репортер превращается у Ивана в текучий, словно в замедленной съемке, расплывающийся объект. Внешне экспрессивные, превеличенные в своей подвижности работы серии говорят о стирании личности человека, раздирании и прерывании ее в абстракции. Плазменная плавность еще больше усиливает эффект отстраненности. Что это? Свободная эстетическая игра или новый реализм? Если зритель выбирает первый вариант, то автор становится соучастником этой игры, если же смотреть на это как на реализм, возникает крайне неуютное чувство визной текучести жизни.

Сильный и масштабный проект Иван показал в «Porjoffart» в 2009 году. Здесь Плигоцкий в живописной форме обратился к теме советской скульптуры. Произведения массового советского искусства Плигоцкий помещает в узнаваемые пейзажи, где они претерпевают несоборные временные изменения. Использованный прием похож на эксперименты Гриси Брускина, принесшие ему мировую известность. Но если Брускин применял изображение скульптуры для передачи определенных советских архетипов, то у Плигоцкого скульптура живет своей внутренней жизнью и получает развитие во времени. Она не теряет свои первоначальные смыслы, но носит характер размытой метафоры, и возникают два прочтения. Одно — сомнительная по эстетическому значению скульптура маркирует эпоху. Второе фиксирует ностальгию по недавней эпохе, несколько болезненные эмоции от распада мира. Художник констатирует: все проодит и все остается; скульптуры свободно существуют в пространстве, специально для них созданным. Вот такая художественная эстетика.

«Я ребенок перестройки, родившийся в стране и городе, которого сейчас нет. Наше поколение в детстве или юности постигло этот слом».

Иван Плигоцкий. 2008 г. Обложка

Жилая единица. 2009. Исполнение

Мы не сформированы ни одним, ни другим строем. Нас не успели привести к единому знаменателю, так как и следующая фаза — компьютерная жизнь и абсолютный переворот прежних ценностей — пришла позже. Мы находились в некоем хаотичном пространстве, когда за нашей спиной закрывалась одна дверь, а новая еще впереди и опечатана, пока. Мы привыкли думать, анализировать сами, мы смотрели своими глазами. И в своей серии «Советские скульптуры», где обломки культовых произведений прежней эпохи одеты в яркие современные платья, я говорю о двух державах. Преходящей — разрушенной и строящейся — новой. Я говорю об этом без сарказма и иронии, скорее

Ритмичар. 2008. Холст, авторская живопись

с той наблюдательной меланхолией и патетическим сопереживанием, которые присущи детям перестройки.

У Плюща есть и опровержено «идеологические», социальные проекты. Проект «Госмашина» — настоящая скульптура, где симметрично удвоенный, зазеркаленный танк с одной стороны увенчан православным крестом, а с другой — исламским полумесяцем. Идея очевидна, но идеологическое напряжение снимается неожиданной законченностью и закономерностью скульптурной формы. Или инсталляция «Зона влияния», когда художник собирает пирамиду из детских кроваток, поставленных друг на друга и последовательно доходящих до размеров кровати взрослых. Как говорит сам Иван, он лишь созерцатель, наверное, это единственно корректная позиция в рамках чистой эстетики. Например, в данном проекте он созерцатель процесса взросления. Забавно, что он обнаруживает непрерывную его эволюционность: пирамида взросления устроена так, что мы не замечаем резкого перехода от детства к взрослой жизни. В этих проектах интересна ситуация, когда идеологическая или интеллектуальная игра, присутствующая в произведениях, и внешне обозначенная как основная тема, отступает на второй план, и проявляется более глубокое и неожиданное содержание.

Еще один проект Ивана — «Жилая единица», который был показан на площадке «Красный Октябрь». «Проект затрагивает социальную тему о проблеме покупки жилья, о проблеме несоответствия в России среднестатистической зарплаты людей и стоимости «квадратных метров» жилищной площади. Я разработал меню русскую Икее, задний бюджетный вариант дома-самосейки, здесь черный юмор сочетается с безысходностью серьезной проблемы». По сути, созданы лекала домов, их развертки. А в центре экспозиции Плющ размещает одну из разверток, которую можно собрать, потянув за шнур, стоя в центре этого предполагаемого домика. На поверхности символические изображения всех необходимых предметов быта и интерьера. Этот проект Плюща можно отнести к новой парадигме концептуализма. Плющ — не наследник «московского романтического концептуализма». Он избегает вербальной нагруженности, театрального действия, остается близок к монументальному искусству. Это доказательство,

того, что концептуальное послание можно передать, избегая его поэтического смягчения. Уходит художник и от другой крайности — драматизации. Вот эта золотая середина, «средний путь» — следствие воспринятой изобразительной культуры. Нет ощущения разрыва художественных стратегий, автор спокойно обращается и с традицией, и с новыми веяниями, профессионально оперирует ими, как делают мастера, выстраивая свою композицию произведения. «Моя позиция не осуждающая, я не беру на себя право указующего перста, это скорее созерцательность и живая реакция на происходящее в мире, в социуме, где я живу, где я есть».

Плющ обладает способностью к своему времени высказываниям. Но в отличие от актуальных авторов, для которых это определяющее свойство, он, избегая резких акцентов, оставляет зрителю пространство для трактовки, возможность спокойного осмысления темы. Он умело использует материал, который предоставляет время. Когда разглядываешь его работы в мастерской, создается впечатление некоторой перегруженности, индустриальности, техногенности. Но когда проект выходит к зрителю, он неожиданно приобретает легкость и изящество не гламурного характера, а близкого к сновиденческим прозрениям сюрреализма. Об увлеченности Магриттом упоминает и сам художник. Магритт утверждал: «Изображение имеет целью с помощью чисто визуального восприятия внешнего мира и с помощью одного лишь зрения усовершенствовать зримое». В современных условиях обозначенная задача потребовала новых подходов. Невозможно не вспомнить и о Де Кирико. В работах Плюща, посвященных скульптуре, есть буквальные совпадения с классиком, что придает серии «Советская скульптура» глубокую перспективу. Если у Де Кирико распад скульптурных форм — метафизический итог длительной европейской истории, то в работах Плюща спрессована драматическая судьба России последних пятидесяти лет, в которой есть и тема эволюции западной истории.

В меньшей степени Плющ обязан и советскому искусству 1920–1930-х годов. Вспоминается Давид Штейнберг в тех вещах, где он бескомпромиссно изолировал фигуры и предметы, подчеркивая их автономную жизненную силу. Да и в использовании выжженных, лишенных рефлексов фактур и их магической дематериализации Плющ так же близок этому автору. Вообще, если говорить о профессиональной стороне творчества Плюща, о его «мастерской», то прежде всего вызывает уважение редкий по крепости «рисунк» и свободное использование самых разнообразных фактур.

Плющ обладает художественной культурой, которая позволяет ему не только пользоваться восприятием и отцов европейского модернизма словарем, но и свободно изъясняться на собственном метаязыке. Как говорится «время пришло». Иван трезво оценивает положение, которое складывается в современном арт-мире: «Всем известно, что ситуация в современном российском искусстве и тем более на рынке ныне чрезвычайно не проста. Взять хотя бы последнюю «Арт-Москву», или Московскую биеннале. То, что у нас является первым трендом, оказывается пришедшим из Европы с опозданием. Получается некий такой лимитирующий фактор с поправкой на тяжелое прошлое и сложность финансирования. Но я все же настроен оптимистично, много чего сделано интересного, самобытного и думаю, скоро не придется доказывать, что русское искусство есть».

Можно вспомнить ранний проект «Штыль» — сбывшиеся досок поверхности, на которых Иван пробует разные варианты метатекста. Эта традиционно постмодернистская «проба пера» оказалась впоследствии эпизодом на пути к собственному стилю. Для становления Плюща, как художника важно то, что первый импульс, художественную инициацию он получил в неафинской арт-среде.

Может быть, поэтому Иван выходит за рамки контекста современного искусства, оставаясь при этом злободневным и актуальным. В его

Кремлевские новости. 2009. Холст, авторская живопись

Квадратное кривичие. 2010. Исполнение

творчестве проявляется тихая интеллигентность. Новый герой? Времена революций прошли? Важно то, что Ивану, одному из первых молодых художников нового века, удалось доказать, что и сейчас лаборатория искусства существует, картина может быть жанром современного искусства, а инсталляция приобрести законченность скульптуры. «Мои темы и идеи, естественно, будут варьироваться и видоизменяться с оглядкой на живое движение извне, но человеческие проблемы, я считаю, остаются неизменными в веках, и это то, о чем я буду говорить».

IVAN PLUSCH *The Concreted Land* (2010) Like all other masters of the "noughties," Ivan Plusch belongs to a generation of artists who were young children when the USSR collapsed in 1991. His childhood coincided with the abrupt and traumatic conversion from socialism to capitalism under Boris Yeltsin, known as "shock therapy," which destroyed once and for all the Soviet administrative, economic, political, and social configurations.

Plusch was formed as an artist in St. Petersburg, graduating from the Stieglitz Academy of Art and Industry (the former Vera Mukhina School of Art and Industry). St. Petersburg is a city epitomizing Russian tsarism and the only place in Russia where the pre-Revolutionary past remains tangible. When Russia had to formulate its identity once again, it often turned to the Russian Empire for inspiration. For example, it brought back the tricolor flag of tsarist Russia and returned the double-headed eagle (minus the crowns) to the national coat of arms, even temporarily using Mikhail Glinka's patriotic music for the state anthem. Perhaps unsurprisingly, a return to the academic canons of the tsarist period became the main aim of the leading artistic movement in St. Petersburg – the New Academy of Fine Arts.

From his early works, it was evident that Plusch preferred to be faithful to his own instincts and stay away from the St. Petersburg mainstream. He is more interested in the legacy of the Soviet past than in restoring the cult of the Beautiful in art. He has always been fascinated by the materiality of the Soviet legacy. What attracts him most is the textuality of surfaces, which carries traces of both grandeur and damage – the splendor and misery of the Russian totalitarian aesthetic.

The Concreted Land installation is the result of those artistic interests and quests. It is a panorama of seven canvases, each featuring an individual or group sculpture, badly damaged and dressed by the artist in bright clothes or given an additional personal detail. The chosen images are only too familiar to the Soviet people: one could see them in any park in the former Soviet Union. They are what Socialist Realism (the only artistic canon accepted and legitimate under the Soviet regime; that is, art that was "socialist in content and national in form") loved most – athletes, children playing, smiling families, idealized sheep – all symbols of happiness, health, and well-being. In other words, these sculptures represented the "promised land" pledged by the ruling ideology to the people.

However, the system collapsed and these promises would never be kept. What is left nearly 20 years after the Red Flag was lowered over the

Kremlin are crumbling pieces of plaster. In fact, when creating his works, Plusch is guided by the main tenet of Socialist Realism, which required that an artist "be able to look at the present from the future" (Maxim Gorky); looking back from the future, the rusty iron skeletons of these creations are only too apparent. Time has been much harder on them than the nonconformist artists were, for it has exposed their economic insolvency (the low-quality materials used to produce these manifestos of well-being), whereas the nonconformists only exposed the underlying principle as conventional and false, while regarding them as ideologically cast in stone.

Plusch dresses these grey remnants in colorful clothes, transforming every member of the common Soviet chorus into an individual. As a result, the clothes become a symbol of the individuality that Socialist Realism so ruthlessly suppressed. The Soviet censor preferred neutral images of "typical" humanity to works marked by individuality and authorship; it is little wonder that such sculptures were created by hundreds of anonymous workers in huge "combine" factories. Plusch seems to propose the clothes and other bright patches of color as a form of therapy: individuality must be brought to the fore, in order to avoid the claustrophobia of the past.

A closer look at these details, however, will disappoint the positivistically inclined viewer. Cracks of fragmenting plaster cover the figures, like the scars of smallpox or leprosy, and Plusch's characters appear to be anonymous bodies from a morgue, which can be neither brought back to life, nor turned into style icons – not even with the help of clothes from celebrated designers or fashion houses. A corpse remains a corpse. That is the sad and depressing message the artist wants to give to the nonchalant Russian public still cherishing bright hopes for the future. Even horror movies, which bring the dead back to life for audiences' entertainment, offer more hope of change (the "living dead" are still better than the "dead dead").

The founders of Sots Art, one of the leading Soviet underground movements of the 1970s and 1980s, had a cause and an opportunity to call themselves the "children of Socialist Realism." It is no longer possible for the generation of Ivan Plusch to do so. This generation lacks the appropriate historical references – another problem highlighted by Plusch's work. One thing is clear, though: while looking into the future, which is what Socialist Realism required from its adherents, one cannot help seeing the Soviet past standing in the way. Just like the stone that the traveler comes across in Russian fairytales, it predicts, "if you go right, you will see

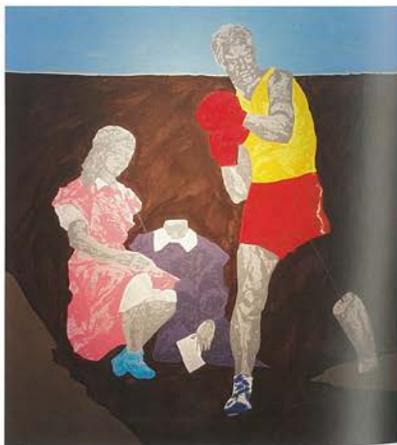
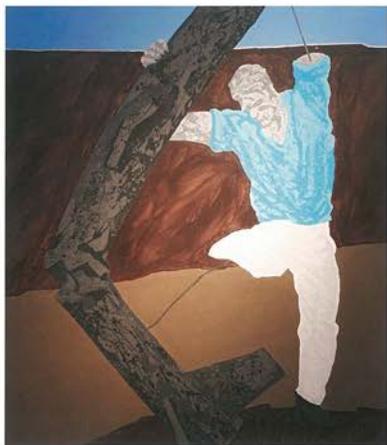
mutilated Young Pioneers; if you turn left, you will run into a man breaking a piece of equipment; and, if you keep straight ahead, you will see animals that look like sheep..." Some choice indeed!

Eugenia Kibodze

Installation.
Canvas, acrylic, author's technique, varnishes
each of seven canvases. 175 x 200 cm
Courtesy of the Artist

©Ivan Plusch

Ivan Plusch *The Concreted Land* (2010) Like all other masters of the "noughties," Ivan Plusch belongs to a generation of artists who were young children when the USSR collapsed in 1991. His childhood coincided with the abrupt and traumatic conversion from socialism to capitalism under Boris Yeltsin, known as "shock therapy," which destroyed once and for all the Soviet administrative, economic, political, and social configurations.

Plusch was formed as an artist in St. Petersburg, graduating from the Stieglitz Academy of Art and Industry (the former Vera Mukhina School of Art and Industry). St. Petersburg is a city epitomizing Russian tsarism and the only place in Russia where the pre-Revolutionary past remains tangible. When Russia had to formulate its identity once again, it often turned to the Russian Empire for inspiration. For example, it brought back the tricolor flag of tsarist Russia and returned the double-headed eagle (minus the crowns) to the national coat of arms, even temporarily using Mikhail Glinka's patriotic music for the state anthem. Perhaps unsurprisingly, a return to the academic canons of the tsarist period became the main aim of the leading artistic movement in St. Petersburg — the New Academy of Fine Arts.

From his early works, it was evident that Plusch preferred to be faithful to his own instincts and stay away from the St. Petersburg mainstream. He is more interested in the legacy of the Soviet past than in restoring the cult of the Beautiful in art. He has always been fascinated by the materiality of the Soviet legacy. What attracts him most is the textuality of surfaces, which carries traces of both grandeur and damage — the splendor and misery of the Russian totalitarian aesthetic.

The Concreted Land installation is the result of those artistic interests and quests. It is a panorama of seven canvases, each featuring an individual or group sculpture, badly damaged and dressed by the artist in bright clothes or given an additional personal detail. The chosen images are only too familiar to the Soviet people: one could see them in any park in the former Soviet Union. They are what Socialist Realism (the only artistic canon accepted and legitimate under the Soviet regime; that is, art that was "socialist in content and national in form") loved most — athletes, children playing, smiling families, idealized sheep — all symbols of happiness, health, and well-being. In other words, these sculptures represented the "promised land" pledged by the ruling ideology to the people.

However, the system collapsed and these promises would never be kept. What is left nearly 20 years after the Red Flag was lowered over the

Kremlin are crumbling pieces of plaster. In fact, when creating his works, Plusch is guided by the main tenet of Socialist Realism, which required that an artist "be able to look at the present from the future" (Maxim Gorky); looking back from the future, the rusty iron skeletons of these creations are only too apparent. Time has been much harder on them than the nonconformist artists were, for it has exposed their economic insolvency (the low-quality materials used to produce these manifestos of well-being), whereas the nonconformists only exposed the underlying principle as conventional and false, while regarding them as ideologically cast in stone.

Plusch dresses these grey remnants in colorful clothes, transforming every member of the common Soviet chorus into an individual. As a result, the clothes become a symbol of the individuality that Socialist Realism so ruthlessly suppressed. The Soviet censor preferred neutral images of "typical" humanity to works marked by individuality and authorship; it is little wonder that such sculptures were created by hundreds of anonymous workers in huge "combine" factories. Plusch seems to propose the clothes and other bright patches of color as a form of therapy; individuality must be brought to the fore, in order to avoid the claustrophobia of the past.

A closer look at these details, however, will disappoint the positivistically inclined viewer. Cracks of fragmenting plaster cover the figures, like the scars of smallpox or leprosy, and Plusch's characters appear to be anonymous bodies from a morgue, which can be neither brought back to life, nor turned into style icons — not even with the help of clothes from celebrated designers or fashion houses. A corpse remains a corpse. That is the sad and depressing message the artist wants to give to the nonchalant Russian public still cherishing bright hopes for the future. Even horror movies, which bring the dead back to life for audiences' entertainment, offer more hope of change (the "living dead" are still better than the "dead dead").

The founders of Sots Art, one of the leading Soviet underground movements of the 1970s and 1980s, had a cause and an opportunity to call themselves the "children of Socialist Realism." It is no longer possible for the generation of Ivan Plusch to do so. This generation lacks the appropriate historical references — another problem highlighted by Plusch's work. One thing is clear, though: while looking into the future, which is what Socialist Realism required from its adherents, one cannot help seeing the Soviet past standing in the way. Just like the stone that the traveler comes across in Russian fairytales, it predicts, "if you go right, you will see

mutilated Young Pioneers; if you turn left, you will run into a man breaking a piece of equipment; and, if you keep straight ahead, you will see animals that look like sheep..." Some choice indeed!

Eugenia Kikodze

Installation,
Canvas, acrylic, author's technique, varnishes
each of seven canvases: 175 x 200 cm
Courtesy of the Artist

©Ivan Plusch

FOTOGRAFÍA

The News, de Ivan Plusch

Ivan Plusch, representante de la nueva generación de pintores rusos, nos trae su personal visión del mundo actual con su serie de pinturas *The News*

POR LUISA FERNÁNDEZ

El trabajo de Ivan Plusch es único, refrescante y combina dos estilos diferentes en el mismo lienzo. Mientras pinta el fondo de una manera realista, utiliza la técnica de 'la pintura corrida' en la figura principal: tras aplicar una capa gruesa de pintura, gira velozmente el lienzo para permitir que la fuerza de la gravedad se encargue de finalizar el cuadro.

En estas pinturas, heredadas del trabajo de Gerhard Richter, los rostros parecen haber sido transformados

por una fuerza desconocida. El fondo añade contexto a la composición. Al mirar los cuadros de Plusch, da la sensación de estar viendo unas imágenes que cambian rápidamente en la televisión.

Al representar a sus objetos de esta manera semi-abstracta, Plusch nos confronta con la fragmentación y la mezcla de información tan características de nuestra sociedad. La serie *The News* (Las Noticias) trata esta total confusión de información con la que nos enfrentamos a diario.

Ivan Plusch (1981) pertenece al grupo *Nepokorionnye* (Los inconquistables) que tiene su base en San Petersburgo. Estudió en varias escuelas de arte de la ciudad. En los grandes lienzos de su anterior serie *Monumento* (2007), Plusch pintó imágenes de un futuro feliz que emergía de las reliquias destruidas del pasado soviético. Plusch ha sido seleccionado por el comisario Hervé Mikaeloff para formar parte de la pronta exposición *Contemporáneos rusos* en la galería *Garage* de Moscú. ■

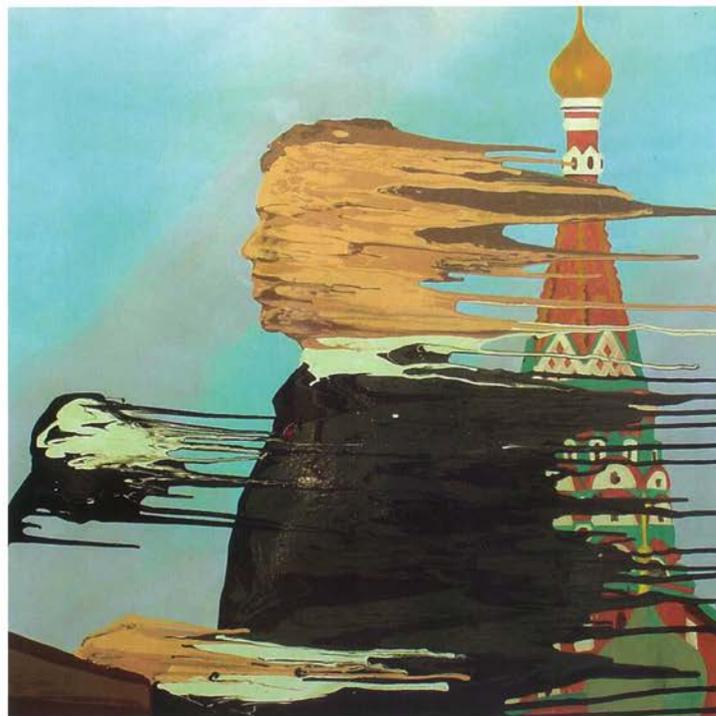

English
Version
PG4

Ce qu'il n'a pas, 2009. Acrílico, témpera y laca sobre tela, 149 x 149 cm.

Météo, 2009. Acrílico, témpera y laca sobre tela . 149 x 149 cm.

Square, 2009. Acrílico, témpera y laca sobre tela . 149 x 149 cm.

F.S. –It is not easy to find a precise concept to define art, because art is an act, continuous creating that changes its meaning and sense throughout the history of humanity, and our lives. Thus, I believe it is something that has an infinite goal, something unreachable. It is a constant trial to capture and represent the humane, what we are, what we see and feel. Art is useless, it doesn't have a utilitarian aim, and this is wonderful because in reality life doesn't have it either, and yet, we need art to live life and try and understand it.

MU –How do you see the Zeitgeist of the moment?

F.S. –As one of change; transformation of life models, society, habits, traditions. I see it as the chaotic time that comes before the creative moment. That moment of creation and birth of something new might come soon, or not, there lies the anxiety and uncertainty that are our closest companions nowadays. As long as I can remember I feel this system in which we live, so wild and unfair, must come soon to an end by sheer exhaustion. Maybe chaos will become permanent, leaving no space to something new, and finally consume itself in its impotence and in the representation of what is so well known, so worn out, in pessimism and disappointment. But I think we need to walk through this, in order for the new to germinate.

MU –Do you think we are living a time of more cultural decadence in the West than our foremothers and fathers lived a hundred years ago?

F.S. –Often, I think that the past was always better, but

this romantic view is due to the fact that I did not experience it personally. Time sets things in their right place, and gives us a clearer perspective for analyzing cultural or historical events. It is harder to see and value culture when you are deep inside it, especially nowadays when so many things are going on simultaneously worldwide, and we have mass communication to access it all. So many fronts in which stuff is happening simultaneously, so much info and manipulation and speculation done with culture, that the only thing I can say is: yes, I think there are high quality things happening in culture, but what is massively distributed is mostly weak, and what is interesting and rich must be looked for with a magnifying glass and with lots of filtering.

I also feel, going back to the Zeitgeist question, that speed is something very characteristic of our times, there is no time to dig deep in what one does, we are too much in a hurry. Events lose their value before they ripe, before we can assimilate them. I don't believe this to be positive.

MU –How do you see the future?

F.S. –I try to stay optimistic and realistic. I do not ignore the negative, sick and decadent aspects of our time, but I keep in mind the renewing thoughts, the hopeful expectations that many people have, there are even people that are not only fighting to have a nicer life, but that are trying to create new living-models closer to artistic creation; all in all, I don't see a very positive

near or faraway future. We live a complex time with exhausted economical and social systems that don't function anymore. I believe that all the evil that is being done to the environment and poor peoples will not be undone in years no matter how much good social and political faith and effort countries will spend. And anyway, it's hard to find that will of undoing the evil. But I certainly do hope that after chaos will come creation and a new order that will destroy the speculation and the over-exaggerated individualism of nowadays, in order to give birth to a less devouring society, more equalitarian and fair.

MU –How is the creative process for you?

F.S. –In general, I part from an idea that I kind of ignore whilst working. The idea is the trigger, something from where to start working, a motor. Then the piece grows alone, it takes its own path, it asks for things, colours, lines or new ideas. During the process, you can build and destroy many things, you don't always win or obtain the result you expected; you advance until you feel it's time to stop and start with a new piece. Generally, I work with more than one piece at a time, I print a series of prints with one theme and then I work on each of them as a unique piece. When the series is done, I meet again the original idea, I try to see what happened during the process, I rename it, put the titles; the final concept is not obliged to have anything in common with the parting idea.

MU –What things inspire you?

F.S. –Many things, lucky me! Other artists' work –visuals, science, philosophy – often are a parting point for me. But everyday things nourish me constantly; to find the miracle and ephemeral quality of life in them, this is what I pay attention to and it makes me work.

MU –How do you see woman in the Western world of the third millennium?

F.S. –I think women and men have an important role in creating a new way of relating to each other and letting ourselves develop our interests together and in dialogue. I think Woman proved during the 20th century to have a voice, thoughts, feelings and a gaze different from that of Man. Now, I believe we must play a team game but re-dealing the roles obeying the needs not the gender. It's vital to see what we do really well, and play that role till the very end. ■

Ivan Plusch

Ivan Plusch is a representative of a new generation of Russian painters; a promising young artist from St Petersburg, he was selected by the internationally acclaimed curator Hervé Mikaeloff to be part of his upcoming exhibition of Russian contemporary art at the Garage in Moscow.

Ivan Plusch's work is unique and refreshing, combining two different styles on the same canvas. While he treats the background in a realistic manner, he uses a 'peinture coulée' technique for the

principal figure itself. After applying a thick layer of paint, the canvas is quickly turned around, allowing gravity to do the rest.

In these paintings reminiscent of the work of Gerhard Richter, the faces seem to have been transformed by an unknown force. The background adds context to

the composition. Looking at Plusch's painting is like looking at quickly changing images on a TV screen.

By representing a very real subject in a semi-abstract way, Plusch confronts us with the fragmentation and blending of information so characteristic of our society. The News-series addresses

this total confusion of information we are facing on a daily basis.

Ivan Plusch (born 1981) is an up and coming artist belonging to the Nepokorionnye (« The Unconquerables ») group based in St Petersburg. He studied at various St Petersburg art schools

including the State Academy of Art and Design, the Roerich Art School and the PRO ARTE Institute. On his big canvases from the Monument-series (2007), Plusch painted images of a happy future, which emerged from the destroyed relics of a Soviet past. ■

Pékin et Moscou,

Destinée à normaliser les rapports américano-russes, la rencontre entre M. Donald Trump et M. Vladimir Poutine, le 16 juillet, a tourné à la confusion. De quoi pousser un peu plus la Russie dans les bras de la Chine, malgré le déséquilibre de puissance entre les deux pays. Moscou et Pékin ont renforcé leurs liens ; mais tous deux défendent leurs intérêts... qui ne coïncident pas toujours.

PAR ISABELLE FACON *

TANDIS QUE, en Occident, les commentateurs relèvent volontiers, et à juste titre, les déséquilibres de puissance entre la Russie et la Chine, qui ne peuvent, selon eux, que compromettre à terme leur coopération, les dirigeants des deux pays ne cessent de communiquer sur la solidité de leur partenariat et d'afficher une grande confiance mutuelle.

Depuis la crise internationale provoquée par l'annexion de la Crimée et le conflit dans le Donbass, en 2014, la relation bilatérale est passée, selon un politologue russe, au stade de l'« entente ». Cela signifie « empathie et compréhension mutuelles au niveau politique le plus élevé ; accès accru des sociétés chinoises aux ressources énergétiques de la Russie ; meilleur accès de l'Armée populaire de libération aux technologies militaires russes ; et possibilités plus nombreuses d'utiliser le territoire de la Russie pour

des projets d'infrastructure reliant la Chine à l'Europe » (1).

En effet, des caps importants ont été franchis. En 2014, les Russes, auparavant réticents, acceptent de vendre à l'armée chinoise des systèmes antiaériens S-400 et des chasseurs Su-35. Leur commune hostilité au déploiement de systèmes antimissiles américains en Asie conduit les deux parties à engager dans ce domaine des coopérations certes modestes, mais à forte portée symbolique. En mai 2014, le mégacontrat sur le gazoduc Force de Sibirie est signé (voir la carte page 9) ; par ailleurs, les ressources chinoises ont pallié les difficultés de financement de l'usine de gaz naturel liquéfié Jamal, dues aux sanctions occidentales : la China National Petroleum Corporation (CNPC) contrôle désormais 20 % du projet, auquel le Fonds de la route de la soie (Silk Road Fund) participe également, à hauteur de 9,9 %.

Tension permanente jusqu'aux années 1990

DURANT un entretien à la radiotélévision publique China Media Group, le 6 juin 2018, le président Vladimir Poutine, fraîchement réélu, propose une vision détendue et optimiste de la relation de son pays avec la Chine. Il la compare à un immeuble qui « chaque année acquiert de nouvelles dimensions, de nouveaux étages, qui monte de plus en plus haut », avant de qualifier son homologue Xi Jinping d'« ami bon et fiable ». Il y évoque le potentiel d'interactions fructueuses en matière de robotique, de manèges et d'intelligence artificielle, tout en se félicitant de la dynamique de l'Organisation de coopération de Shanghai (OCS). Cette « coopération » a succédé en 2001 au groupe de Shanghai, né au lendemain de la dissolution de l'URSS.

* Chercheuse à la Fondation pour la recherche stratégique (FRS).

Elle comprend, outre les deux pays, le Kazakhstan, le Kirghizstan, le Tadjikistan et l'Ouzbékistan. Incorporation du souci qu'ont Moscou et Pékin de stabiliser cette partie de l'Asie centrale, elle est devenue, selon M. Poutine, une « organisation globale » après l'entrée, en 2017, de l'Inde et du Pakistan (2).

La population russe, elle aussi, est bien disposée envers la Chine. Selon un sondage d'opinion mené par le Centre Levada en décembre 2017, celle-ci n'est qualifiée d'« ennemie » (vingt) de la Russie que par 2 % des personnes interrogées – très loin derrière les États-Unis (67 %), l'Ukraine (29 %) et l'Union européenne (14 %). Dans une autre enquête, publiée en février 2018, 70 % des personnes consultées ont une perception positive de la Chine, et seulement 13 % négative.

Dans l'après-guerre froide, les autorités russes et chinoises sont, dans une même mesure, soucieuses de se concentrer sur le développement intérieur, ce qui nécessite un environnement international favorable. Elles souhaitent dépasser leur passé conflictuel et instaurer enfin des rapports de bon voisinage durables. De fait, des traités inégaux du XIXe siècle aux tensions idéologiques entre les deux puissances communistes à partir de la fin des années 1950 (lire l'article ci-dessous), sans compter une dispute récurrente sur la frontière commune, qui avait culminé en 1969 par des conflits armés sur le fleuve Oussouri (le Damanski pour les Russes, Zhenbao pour les Chinois), les relations n'ont pas toujours été simples. Au début des années 1990, observe un chercheur chinois, cette tension permanente est perçue de part et d'autre comme « pesant lourdement sur le développement politique, économique et social » (3) ; de chacun ; il convient donc de s'en libérer.

La communauté de vision des deux pays sur la nécessité d'établir des bonnes relations leur a permis de trouver un accord sur la délimitation de la frontière commune, longue de plus de quatre mille

kilomètres. Il y a d'ailleurs fallu un certain temps, puisque l'entreprise n'a abouti qu'en 2005. Les Russes et les Chinois ont ainsi surmonté le principal obstacle qui les séparait. En parallèle, ils ont stabilisé leurs rapports militaires et de sécurité. En 2009, ils ont adopté un programme décennal de coopération entre les régions frontalières comprenant 168 projets ; ils ont aussi mis en place des groupes de travail gouvernementaux bilatéraux pour traiter des aspects potentiellement porteurs de tensions : flux migratoires illégaux, trafics illicites de marchandises, problèmes environnementaux...

Le désir d'ancrer la relation bilatérale dans un climat constructif et apaisé se nourrit de l'engagement réciproque à ne pas s'ingérer dans les affaires de l'autre. Les deux États éprouvent la même défiance envers des tiers auxquels ils prêtent l'intention de les déstabiliser. Moscou comme Pékin ont pour priorité la conservation du régime. Or, de part et d'autre, on considère que, dans l'après-guerre froide, les pays occidentaux, en particulier les États-Unis, se sont employés à soutenir, voire à orchestrer, des changements de régime pour servir leurs intérêts géopolitiques et économiques. Les « révo-

lutions de couleur » dans l'ex-URSS ont été interprétées sous ce jour : si Moscou s'est surtout inquiété des révolutions géorgienne (2003) et ukrainienne (2004), Pékin a été fortement préoccupé par la « révolution des tulipes » au Kirghizstan (2005), craignant qu'elle ne déstabilise son voisinage et n'encourage le sentiment indépendantiste dans le Xinjiang (4). Tous deux ont également vu la main de l'Occident dans les « printemps arabes ». Ils ne s'en comprennent que mieux sur la question de la stabilité à leurs frontières, où ils se sentent « soumis à des contraintes intolérables (...) de par la présence militaire de l'Amérique et son soutien politique à ses alliés ou partenaires » (5).

Cela explique très certainement pourquoi il n'y a pas, ou pas encore, de fortes tensions entre eux dans ce voisinage partagé qu'est l'Asie centrale. Pékin, tout en y développant rapidement sa présence économique depuis le début des années 2000, prend soin de ne pas disputer à Moscou le leadership politique et sécuritaire dans cette partie de son « étranger proche ». Il existe un fondement coopératif historique à cela : les deux pays ont, dès 1996, établi une plate-forme multilatérale – le groupe de Shanghai – pour délimiter l'ancienne frontière sino-soviétique et faire face aux instabilités régionales. La Russie possède une longue frontière avec l'Asie centrale (via le Kazakhstan) ; la Chine aussi, avec la région du Xinjiang, dans le nord-ouest. Devenu OCS, le groupe de Shanghai se concentre désormais sur le risque de

IVAN PLUSCHL - « Épisode 5 », 2014

(1) Dmitri Trenin, « Russia's Asia strategy: Bolshing the eagle's eastern wing », *Russia: Net. Politics*, n° 94, Institut français des relations internationales (IFRI), Paris, 2016.

(2) NDRC, L'OCS n'a pas vraiment d'unité idéologique : l'Inde et le Pakistan s'affrontent au Cachemire, tandis que l'Inde et la Chine s'ont toujours pas réglé leurs problèmes de frontières.

(3) Yang Cheng, « Sino-Russian border dynamics in the Soviet and post-Soviet era: A Chinese perspective », septième conférence de Berlin sur la sécurité en Asie, 1er et 2 juillet 2013.

(4) Cf. Marc Lantegrie, « Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging security interests and the "Crimea effect" », dans Helge Brauer et Elana Wilson Rowe (sous la dir. de), *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation*, Palgrave Macmillan, Basingstoke (Royaume-Uni), 2018.

(5) Dmitri Trenin, « Russia's Asia strategy », op. cit.

Hier, révolutionnaires et rivaux

PAR SERGE HALIMI

MÊME les meilleurs spécialistes peuvent se tromper. Le livre du journaliste François Fejtó commence ainsi : « 17 octobre 1961 - voici une date qui sera retenue par les auteurs des manuels d'histoire. » Elle a été retenue, mais pour une autre raison que celle qu'il imaginait. Désormais, ce jour est surtout associé à l'assassinat de dizaines de manifestants algériens par la police parisienne, alors que, dans son ouvrage sur le « grand schisme communiste », publié en 1964, Fejtó estimait qu'il marquait la « fin de l'hégémonie soviétique sur le mouvement communiste international » (1). À la tribune du XXIIe Congrès du Parti communiste de l'Union soviétique (PCUS), en présence de la presse occidentale, le secrétaire général Nikita Khrouchtchev s'était en effet déchaîné contre les communistes albanais, alors proches.

Quelques décennies plus tard, deux choses frappent à propos de cette grande querelle, qui a déteint en affrontements armés entre les deux États en 1969. L'oubli, d'abord : nul n'évoque plus guère le conflit idéologique sino-soviétique. Il déchira pourtant le mouvement communiste et, pendant un quart de siècle, trans-

forma les relations internationales. Le secret, ensuite : la dégradation des relations entre les deux principaux partis communistes de la planète – et entre les États qu'ils dirigent – intervint à partir de 1956. Mais son caractère public, le détail de tous les désaccords qui l'amplifièrent n'éclaireront que cinq ans plus tard. Jusqu'au 17 octobre 1961, relève Fejtó, « les deux parties s'efforçaient de maintenir leur dispute dans une sorte de clandestinité. Les critiques, reproches, griefs étaient exprimés en un langage cryptique, avec le minimum de transparence indispensable pour que les personnes visées ne se méprennent pas sur le sens de l'avertissement » (2).

LES CHINOIS pourfendent donc le « révisionnisme » des dirigeants yougoslaves avec d'autant plus de véhémence que Moscou et les partis prosoviétiques ont renoué avec Tito. Et les Soviétiques ciblent les Albanais parce qu'ils les avaient alignés sur Pékin. Néanmoins, la discipline collective (et l'absence de comptes Twitter...) permettait encore que même un discours du dirigeant soviétique détaillant, en février 1956, devant une assemblée de délégués communistes pétrifiés, les crimes attribués à son prédécesseur, Joseph Staline, demeurât secret pendant plusieurs semaines. L'existence de son réquisitoire fut même mise en doute par certains de

ceux qui l'avaient entendu ou lu – et qui ne risquaient pas de l'avoir oublié.

La dénonciation du stalinisme par Khrouchtchev ouvrit le dossier des griefs sino-soviétiques. Mao Zedong n'acceptait pas qu'une décision de cette importance, dont chacun pouvait imaginer les conséquences pour l'ensemble du mouvement communiste international, relevât du seul parti soviétique. Outre que la critique du « culte de la personnalité » ne lui paraissait pas urgente, en particulier en Chine, il redoutait que la démarche de Khrouchtchev affaiblisse les dirigeants communistes qui avaient soutenu Staline – autant dire presque tous ceux qu'il avait survécu.

Mao s'était cependant gardé d'aligner sa stratégie sur les conseils, généralement désastreux, de ses camarades soviétiques. Staline, bien que peu disposé à la contestation de son autorité, s'en amusa lui-même en 1948 lorsqu'il confia que les Chinois n'avaient pas obtenu qu'« nous leur avons dit brutalement qu'à notre avis le soulèvement de la Chine n'avait aucune chance de réussir et qu'ils devaient, par conséquent, rechercher un autre vivanda » (le dirigeant nationaliste) *Tchang Kai-cek, entrer dans son gouvernement et dissoudre leur armée. Ils firent le contraire, et aujourd'hui tout le monde peut le voir : ils sont en train de battre Tchang Kai-cek* (3).

Outre la « question de Staline », titre d'un des articles du Parti communiste chinois (PCC) détaillant, le 13 septembre 1963, ses divergences avec le PCUS, le désaccord principal entre les deux organisations portait sur la coexistence pacifique avec les États-Unis. C'est également en 1956, lors du XXe Congrès du PCUS, que le dirigeant soviétique avait, selon les communistes chinois, « formulé des vues erronées à propos de l'impérialisme, de la guerre et de la paix » (4).

Lesquelles ? Ayant surmonté sa hantise d'un encerclement, caractéristique de la période stalinienne, Khrouchtchev imagina que l'attrait, alors réel, du modèle soviétique pourrait faire tomber, sans affrontement avec l'impérialisme, de nouveaux États dans son escarcelle. L'arme nucléaire – qui « ne fait pas de distinction de classe » – rendait par ailleurs les Soviétiques responsables avec les États-Unis de la paix du monde. Ce que la crise des missiles à Cuba parut leur confirmer en 1962.

MAO rejetait cette analyse, qualifiée de « révisionniste » (1). Il estimait que, puisque « les forces socialistes ont acquis une supériorité écrasante sur les forces des impérialistes », autant qu'elles en profitent. Or, en raison de sa crainte des « tigres de papier » américains, mais aussi de son entente

suspecte avec les dirigeants occidentaux, le PCUS menaçait de « paralyser » les mouvements révolutionnaires du tiers-monde. Quant à la terreur d'une guerre nucléaire, Mao l'avait relativisée dès 1957 : « Si une moitié de l'humanité était anéantie, il en resterait encore une moitié, mais l'impérialisme serait complètement détruit et il n'y aurait plus que le socialisme dans le monde entier. Un demi-siècle ou bien un siècle plus tard, la population augmenterait à nouveau et même de plus de la moitié. »

Le pensait-il vraiment, ou voulait-il que les « impérialistes » l'imaginent inflexible en cas d'épreuve de force ? Peu importe aujourd'hui. D'autant que, réconciliées également sur ce point, la Russie et la Chine ont énormément œuvré pour que la perspective du « socialisme dans le monde entier » n'avance pas beaucoup ces dernières années...

(1) François Fejtó, *Chine-URSS. La fin d'une hégémonie. Les origines du grand schisme communiste, 1950-1957*, Plon, Paris, 1964.

(2) François Fejtó, *Chine-URSS. Le conflit. Le développement du grand schisme communiste, 1958-1965*, Plon, 1966.

(3) Cité par Vladimir Doujir, *Tito parle...*, Gallimard, Paris, 1953.

(4) « Les divergences entre la direction du PCUS et nous – leur origine et leur évolution – ont été exposées dans le *Journal du peuple* et l'édition du *Hongqi*. Éditions de Pékin, 6 septembre 1963.

RELATION TUMULTUEUSE

complices mais pas alliés

« terrorisme, extrémisme et séparatisme ». Russes et Chinois n'ont assurément eu aucune peine à s'entendre sur cette question. Depuis la seconde guerre de Tchétchénie, les premiers lient en effet le risque séparatiste dans le Caucase à l'islamisme radical, et les seconds au Xinjiang musulman. Des ressortissants de ces deux zones ont d'ailleurs rejoint les rangs de l'Organisation de l'État islamique (OEI).

Tout en se gardant d'approuver les agissements de Moscou en Ukraine, des officiels chinois ont souligné que « les diplomates et dirigeants chinois ont (...) conscience de ce qui a conduit à la crise [ukrainienne], y compris la série de « révolutions de couleur » soutenues par l'Occident dans des États post-soviétiques et la pression exercée sur la Russie par l'expansion de l'OTAN [Organisation du traité de l'Atlantique nord] vers l'est (6) ». De son côté, la Russie, tout en continuant d'afficher sa neutralité sur la question de la mer de Chine méridionale, appuie la mise en cause par Pékin du rôle déstabilisateur des États-Unis dans cet espace. Sortant quelque peu de sa réserve traditionnelle, elle a, en 2016, accepté de participer à des exercices navals communs en mer de Chine méridionale (certes en dehors des zones contestées) (7). L'année suivante, les deux marines opèrent ensemble en mer Baltique, un des hauts lieux de tension entre la Russie et l'OTAN ces dernières années.

Les deux pays sont donc complices sur bon nombre de sujets bilatéraux et internationaux. Pourtant, dans son bilan de l'année diplomatique 2017, l'influent Conseil russe pour les affaires internationales

(RSMD) mentionnait, parmi les sujets de 2018, l'asymétrie grandissante des relations politiques et économiques avec Pékin. Il estimait que l'un des objectifs principaux de l'action diplomatique de Moscou devait être d'en améliorer la qualité (8).

L'Union économique eurasiatique (UEE), organisation d'intégration économique entre la Russie et quatre ex-républiques soviétiques (Arménie, Biélorussie, Kazakhstan, Kirghizistan) lancée en janvier 2015. Les marges de manœuvre de Moscou demeurent cependant limitées, car ces États n'hésitent pas à signer des accords bilatéraux avec Pékin (énergie, investissements...) quand ils estiment que cela sert leurs intérêts. La Russie ne pèse pas lourd face à la force de frappe financière de la Chine, que le projet de nouvelles routes de la soie (« Belt and Road Initiative », BRI) devrait amener à octroyer davantage de prêts et de crédits aux pays centraux-asiatiques (elle-même doit recourir à des emprunts auprès de banques d'État chinoises, dans des conditions de négociation souvent très rudes).

De plus, après l'annexion de la Crimée, les États membres de l'UEE se sont montrés

beaucoup plus méfiants dans leurs rapports avec la Russie. Moscou semble avoir perdu de sa cote de sympathie, qui l'avantageait régionalement face à une Chine dont la puissance inquiète. De la même manière qu'elle a dû constater que les investissements chinois n'obéiraient pas à des considérations géopolitiques liées à la « grande entente » sino-russe, mais bien à des objectifs de rationalité économique, la Russie constate que la dynamique chinoise en Asie centrale n'est pas inéluctable par ses réticences et ses inquiétudes (cela est vrai aussi pour le Caucase et l'Ukraine, inclus dans la BRI) (16). Au mieux, elle parvient à sauver la face – de façon assez superficielle pour l'instant – grâce à l'annonce conjointe des présidents russe et chinois, en mai 2015, selon laquelle la BRI et l'UEE seront connectées. Nul ne sait si la signature, trois ans plus tard, d'un accord de coopération économique et commerciale Chine-UEE (contrôles douaniers, propriété intellectuelle, coopération intersectorielle et marchés publics, commerce électronique, concurrence...) produira des effets plus tangibles.

Le partenariat stratégique sino-russe est, en 2018, solide en raison de la soif de stabilité de deux pays et de leur rejet commun de toute intervention de l'Occident, États-Unis en tête, dans leur voisinage immédiat. Ce fondement robuste ne signifie toutefois pas que les deux puissances s'estiment tenues de se coordonner systématiquement sur les grands dossiers internationaux – même si chacune évite toute initiative susceptible de gêner l'autre, à défaut de la soutenir, sur les sujets d'importance stratégique. D'ailleurs, la Chine, partie forte du binôme, trace sa route et joue sa propre partition. Elle n'attend pas d'être investie en Russie que si les projets sont économiquement convaincants et s'abstient de lui emboîter le pas dans sa critique virulente de l'Occident, avec lequel elle partage des intérêts économiques d'emvergure.

Il revient à Moscou de traiter les facteurs qui creusent le différentiel de puissance, lequel érige son image, en attendant peut-être de compromettre sa sécurité. D'où, parfois, un regain de posture défensive, qui a contribué à faire capoter le rachat de 14 % du capital de la compagnie pétrolière Rosneft par le consortium CEFC China Energy. Jusqu'ici, Moscou s'est contenté

de canaliser le « risque chinois » en s'efforçant d'établir une relation de confiance propre à réduire les sources de friction. Sa vitalité diplomatique et militaire au Proche-Orient le rassurent momentanément en rééquilibrant visuellement le rapport de forces. Si le budget de la défense chinoise reste largement supérieur (150 milliards de dollars en 2017, contre 45,6 milliards de dollars pour la Russie, selon l'Institut international d'études stratégiques (IISS)), Moscou l'emporte de très loin en matière d'armement nucléaire.

La Russie attend que Pékin donne des gages de sa volonté de dépasser les asymétries économiques – à travers des coopérations industrielles, des contributions au développement d'infrastructures qui lui font tant défaut. Mais il n'est pas certain que la Chine le voie ainsi : tout en respectant son partenaire, elle ne sent pas obligée de caler son rythme sur le sien, quel que soit le sujet. La balise est donc dans le camp de Moscou. Cela l'amènera-t-elle à accélérer sa modernisation économique et à développer une approche plus ouverte des relations internationales ?

ISABELLE FACON.

(6) Fu Yang, « How China sees Russia », *Foreign Affairs*, New York, janvier-février 2016. Mme Fu Yang est présidente du Comité des affaires étrangères du Congrès national populaire.

(7) Lire Didier Comarand, « Et pour quelques rochers de plus... », *Le Monde diplomatique*, juin 2016.

(8) « La politique étrangère de la Russie : regard sur 2018 » (en russe), RSMD, rapport n° 16, Moscou, 2017.

(9) Olga Alekseeva et Frédéric Lanterne, « L'évolution des relations sino-russes vue de Moscou : les limites du rapprochement stratégique », *Perspectives chinoises*, n° 3/2018, Paris (à paraître).

(10) Jean Ziegler, « Les paradoxes de l'extrême-Orient russe : façade maritime dépressive cherche nouveaux moteurs de croissance », *Revue de l'Observatoire Franco-russe*, Cherche Midi, Paris, 2015.

(11) Malin Östervik et Natalia Kulart, « The Russian Far East and Russian security policy in the Asia-Pacific region », dans *Russia's Turn to the East...*, op. cit.

(12) Jean Ziegler, « Les paradoxes de l'extrême-Orient russe... », op. cit.

(13) Cf. Tobias Haldebrandt, « Economics of trust, informality and the state in the Russian-Chinese borderlands », dans *Capitalism, Informality and the State in the Economy of the China-Russia Borderlands*, Amsterdam University Press, 2018.

(14) Jean Ziegler, « Les paradoxes de l'extrême-Orient russe... », op. cit.

(15) Alexander Gabuev, « Taming the dragon : How can Russia benefit from China's financial ambitions in the SCO? », 19 mars 2015, <http://ing.globalaffairs.ru>

(16) Cf. « Chine-Russie : Moscou à l'initiative face aux nouvelles routes de la soie chinoises », *Revue Défense nationale*, n° 811, Paris, juin 2018.

Coopération dans l'Extrême-Orient russe

À BIEN DES EGARDS, le rapport de forces s'est en effet inversé en défaveur de la Russie au cours du dernier quart de siècle, notamment sur le plan économique. Les relations étant bonnes, ce déséquilibre croissant n'est pas systématiquement analysé par la Russie en termes de menaces pour sa sécurité et sa souveraineté. Cependant, il contraste son ambition de puissance. Le produit intérieur brut (PIB) de la Chine, deuxième économie de la planète avec 17,7 % du PIB mondial (en parité de pouvoir d'achat) selon le Fonds monétaire international, est dix fois supérieur à celui de la Russie, qui figure à la douzième place, avec 3,19 % du PIB mondial. Et si, pour la Russie, la Chine est depuis 2010 le premier partenaire commercial (15 % de son commerce extérieur), la Russie ne se situe pour la Chine qu'au neuvième rang de ses partenaires. En 2014, quand le commerce sino-russe atteignait 95 milliards de dollars (contre 16 milliards en 2003), celui entre la Chine et l'Union européenne totalisait 615 milliards, et 555 milliards avec les États-Unis.

Le programme de coopération de 2009 en témoigne, les deux gouvernements cherchent depuis quelques années à mieux orienter et encadrer les relations économiques entre les régions du Nord-Est chinois et de l'Extrême-Orient russe : Pékin, dans un souci de développement régional – l'Extrême-Orient comme marché « naturel » du Nord-Est chinois –, et Moscou, dans un souci de contrôle (13). La partie russe ne se montre d'ailleurs pas toujours très volontaire dans la réalisation de ce programme. C'est là l'effet croisé du manque de ressources financières et des inerties bureaucratiques, mais aussi d'une certaine ambivalence des autorités au niveau local et fédéral face à la présence économique chinoise. La Russie entend garder la main : elle a créé en 2012 un ministère du développement de l'Extrême-Orient, construit le cosmodrome (base de lancement) Vostochny, modernisé la ligne ferroviaire Baïkal-Amour (BAM), rééquilibré sa politique extérieure vers l'Asie...

Certes, Moscou s'est résigné à l'idée que le développement de l'Extrême-Orient exigeait des investissements étrangers. Mais la Russie préférerait qu'ils soient de provenances multiples, et, tout en admettant que sans main-d'œuvre étrangère le développement régional ne sera pas aisé, elle privilégie là aussi des afflux diversifiés. Le succès encore très relatif des mesures de relance de l'Extrême-Orient nourrit sa crainte récurrente que, « à trop s'ouvrir vers le voisin chinois, l'Extrême-Orient ne se fige définitivement dans un rôle de simple fournisseur de matières premières, au détriment de tout espoir de diversification (14) ».

La Russie tente aussi de contenir l'expansion économique chinoise en Asie centrale. Elle a, par exemple, dans le cadre de l'OCS, refusé (avec le Kazakhstan) la création d'une zone de libre-échange, ou encore celle d'une banque de développement (15). C'était aussi l'un des objectifs initiaux de la création de

lieu à la formation d'enclaves qui étaient sous l'emprise de fait de guildes commerciales chinoises, dont le Kremlin cherchait à réduire les activités (11). Au début des années 1990, des commerçants chinois investissent le marché russe extrême-oriental, alors caractérisé par de fortes pénuries, et y exportent quantité de biens de consommation courante. Au fil des ans, cette présence s'est diversifiée : commerce toujours, mais aussi agriculture, bâtiment, etc. (12).

Jean Ziegler
Le capitalisme expliqué à ma petite-fille
(en espérant qu'elle en verra la fin)

JEAN ZIEGLER

Seuil

Pourquoi il faut détruire le capitalisme !

LE MONDE *diplomatique*

> **août 2018**, pages 8 et 9

ÉCLAIRCIE DANS UNE RELATION TUMULTUEUSE

Beijing and Moscow, accomplices but not allies

Destinée à normaliser les rapports américano-russes, la rencontre entre M. Donald Trump et M. Vladimir Poutine, le 16 juillet, a tourné à la confusion. De quoi pousser un peu plus la Russie dans les bras de la Chine, malgré le déséquilibre de puissance entre les deux pays. Moscou et Pékin ont renforcé leurs liens ; mais tous deux défendent leurs intérêts... qui ne coïncident pas toujours.

PAR ISABELLE FACON

Ivan Plusch. — « Episode 5 », 2014

TANDIS que, en Occident, les commentateurs relèvent volontiers, et à juste titre, les déséquilibres de puissance entre la Russie et la Chine, qui ne peuvent, selon eux, que compromettre à terme leur coopération, les dirigeants des deux pays ne cessent de communiquer sur la solidité de leur partenariat et d'afficher une grande confiance mutuelle.

Depuis la crise internationale provoquée par l'annexion de la Crimée et le conflit dans le Donbass, en 2014, la relation bilatérale est passée, selon un politologue russe, au stade de l'« entente ». Cela signifie *« empathie et compréhension mutuelles au niveau politique le plus élevé ; accès accru des sociétés chinoises aux ressources énergétiques de la Russie ; meilleur accès de l'Armée*

populaire de libération aux technologies militaires russes ; et possibilités plus nombreuses d'utiliser le territoire de la Russie pour des projets d'infrastructure reliant la Chine à l'Europe » (1).

En effet, des caps importants ont été franchis. En 2014, les Russes, auparavant réticents, acceptent de vendre à l'armée chinoise des systèmes antiaériens S-400 et des chasseurs Su-35. Leur commune hostilité au déploiement de systèmes antimissiles américains en Asie conduit les deux parties à engager dans ce domaine des coopérations certes modestes, mais à forte portée symbolique. En mai 2014, le mégacontrat sur le gazoduc Force de Sibérie est signé (*voir la carte*); par ailleurs, les ressources chinoises ont pallié les difficultés de financement de l'usine de gaz naturel liquéfié Iamal, dues aux sanctions occidentales : la China National Petroleum Corporation (CNPC) contrôle désormais 20 % du projet, auquel le Fonds de la route de la soie (Silk Road Fund) participe également, à hauteur de 9,9 %.

Tension permanente jusqu'aux années 1990

Durant un entretien à la radiotélévision publique China Media Group, le 6 juin 2018, le président Vladimir Poutine, fraîchement réélu, propose une vision détendue et optimiste de la relation de son pays avec la Chine. Il la compare à un immeuble qui « *chaque année acquiert de nouvelles dimensions, de nouveaux étages, qui monte de plus en plus haut* », avant de qualifier son homologue Xi Jinping d'« *ami bon et fiable* ». Il y évoque le potentiel d'interactions fructueuses en matière de robotique, de numérique et d'intelligence artificielle, tout en se félicitant de la dynamique de l'Organisation de coopération de Shanghai (OCS). Cette « cocréation » a succédé en 2001 au groupe de Shanghai, né au lendemain de la dislocation de l'URSS. Elle comprend, outre les deux pays, le Kazakhstan, le Kirghizstan, le Tadjikistan et l'Ouzbékistan. Incarnation du souci qu'ont Moscou et Pékin de stabiliser cette partie de l'Asie centrale, elle est devenue, selon M. Poutine, une « *organisation globale* » après l'entrée, en 2017, de l'Inde et du Pakistan (2).

Frontière sino-russe

CÉCILE MARIN

La population russe, elle aussi, est bien disposée envers la Chine. Selon un sondage d'opinion mené par le Centre Levada en décembre 2017, celle-ci n'est qualifiée d'« ennemie » (*vrag*) de la Russie que par 2% des personnes interrogées — très loin derrière les États-Unis (67%), l'Ukraine (29%) et l'Union européenne (14%). Dans une autre enquête, publiée en février 2018, 70% des personnes consultées ont une perception positive de la Chine, et seulement 13% négative.

Dans l'après-guerre froide, les autorités russes et chinoises sont, dans une même mesure, soucieuses de se concentrer sur le développement intérieur, ce qui nécessite un environnement international favorable. Elles souhaitent dépasser leur passé conflictuel et instaurer enfin des rapports de bon voisinage durables. De fait, des traités inégaux du XIXe siècle aux tensions idéologiques entre les deux puissances communistes à partir de la fin des années 1950 (*lire « Hier, révolutionnaires et rivaux »*), sans compter une dispute récurrente sur la frontière commune, qui avait culminé en 1969 par des conflits armés sur le fleuve Oussouri (île Damanski pour les Russes, Zhenbao pour les Chinois), les relations n'ont pas toujours été simples. Au début des années 1990, observe un chercheur chinois, cette tension permanente est perçue de part et d'autre comme *« pesant lourdement sur le développement politique, économique et social (3) »* de chacun ; il convient donc de s'en libérer.

La communauté de vision des deux pays sur la nécessité d'établir des bonnes relations leur a permis de trouver un accord sur la délimitation de la frontière commune, longue de plus de quatre mille kilomètres. Il y a d'ailleurs fallu un certain temps, puisque l'entreprise n'a abouti qu'en 2005. Les Russes et les Chinois ont ainsi surmonté le principal obstacle qui les séparait. En parallèle, ils ont stabilisé leurs rapports militaires et de sécurité. En 2009, ils ont adopté un programme décennal de coopération entre les régions frontalières comprenant 168 projets ; ils ont aussi mis en place des groupes de travail gouvernementaux bilatéraux pour traiter des aspects potentiellement porteurs de tensions : flux migratoires illégaux, trafics illicites de marchandises, problèmes environnementaux...

Le désir d'ancrer la relation bilatérale dans un climat constructif et apaisé se nourrit de l'engagement réciproque à ne pas s'ingérer dans les affaires de l'autre. Les deux États éprouvent la même défiance envers des tiers auxquels ils prêtent l'intention de les déstabiliser. Moscou comme Pékin ont pour priorité la conservation du régime. Or, de part et d'autre, on considère que, dans l'après-guerre froide, les pays occidentaux, en particulier les États-Unis, se sont employés à soutenir, voire à orchestrer, des changements de régime pour servir leurs intérêts géopolitiques et économiques. Les « révolutions de couleur » dans l'ex-URSS ont été interprétées sous ce jour : si Moscou s'est surtout inquiété des révolutions géorgienne (2003) et ukrainienne (2004), Pékin a été fortement préoccupé par la « révolution des tulipes » au Kirghizstan (2005), craignant qu'elle ne déstabilise son voisinage et n'encourage le sentiment indépendantiste dans le Xinjiang (4). Tous deux ont également vu la main de l'Occident dans les « printemps arabes ». Ils ne s'en comprennent que mieux sur la question de la stabilité à leurs frontières, où ils se sentent *« soumis à des contraintes intolérables (...) de par la présence militaire de l'Amérique et son soutien politique à ses alliés ou partenaires (5) »*.

Cela explique très certainement pourquoi il n'y a pas, ou pas encore, de fortes tensions entre eux dans ce voisinage partagé qu'est l'Asie centrale. Pékin, tout en y développant rapidement sa présence économique depuis le début des années 2000, prend soin de ne pas disputer à Moscou le leadership politique et sécuritaire dans cette partie de son « étranger proche ». Il existe un fondement coopératif historique à cela : les deux pays ont, dès 1996, établi une plate-forme multilatérale — le groupe de Shanghai — pour délimiter l'ancienne frontière sino-soviétique et faire face aux instabilités régionales. La Russie possède une longue frontière avec l'Asie centrale

(via le Kazakhstan); la Chine aussi, avec la région du Xinjiang, dans le nord-ouest. Devenu OCS, le groupe de Shanghai se concentre désormais sur le risque de « *terrorisme, extrémisme et séparatisme* ». Russes et Chinois n'ont assurément eu aucune peine à s'entendre sur cette question. Depuis la seconde guerre de Tchétchénie, les premiers lient en effet le risque séparatiste dans le Caucase à l'islamisme radical, et les seconds au Xinjiang musulman. Des ressortissants de ces deux zones ont d'ailleurs rejoint les rangs de l'Organisation de l'État islamique (OEI).

Tout en se gardant d'approuver les agissements de Moscou en Ukraine, des officiels chinois ont souligné que « *les diplomates et dirigeants chinois ont (...) conscience de ce qui a conduit à la crise [ukrainienne], y compris la série de "révolutions de couleur" soutenues par l'Occident dans des États postsoviétiques et la pression exercée sur la Russie par l'expansion de l'OTAN [Organisation du traité de l'Atlantique nord] vers l'est (6)* ». De son côté, la Russie, tout en continuant d'afficher sa neutralité sur la question de la mer de Chine méridionale, appuie la mise en cause par Pékin du rôle déstabilisateur des États-Unis dans cet espace. Sortant quelque peu de sa réserve traditionnelle, elle a, en 2016, accepté de participer à des exercices navals communs en mer de Chine méridionale (certes en dehors des zones contestées) (7). L'année suivante, les deux marines opéraient ensemble en mer Baltique, un des hauts lieux de tension entre la Russie et l'OTAN ces dernières années.

Les deux pays sont donc complices sur bon nombre de sujets bilatéraux et internationaux. Pourtant, dans son bilan de l'année diplomatique 2017, l'influent Conseil russe pour les affaires internationales (RSMD) mentionnait, parmi les sujets de 2018, l'asymétrie grandissante des relations politiques et économiques avec Pékin. Il estimait que l'un des objectifs principaux de l'action diplomatique de Moscou devait être d'en améliorer la qualité (8).

Coopération dans l'Extrême-Orient russe

À bien des égards, le rapport de forces s'est en effet inversé en défaveur de la Russie au cours du dernier quart de siècle, notamment sur le plan économique. Les relations étant bonnes, ce déséquilibre croissant n'est pas systématiquement analysé par la Russie en termes de menaces pour sa sécurité et sa souveraineté. Cependant, il contrarie son ambition de puissance. Le produit intérieur brut (PIB) de la Chine, deuxième économie de la planète avec 17,7 % du PIB mondial (en parité de pouvoir d'achat) selon le Fonds monétaire international, est dix fois supérieur à celui de la Russie, qui figure à la douzième place, avec 3,19 % du PIB mondial. Et si, pour la Russie, la Chine est depuis 2010 le premier partenaire commercial (15 % de son commerce extérieur), la Russie ne se situe pour la Chine qu'au neuvième rang de ses partenaires. En 2014, quand le commerce sino-russe atteignait 95 milliards de dollars (contre 16 milliards en 2003), celui entre la Chine et l'Union européenne totalisait 615 milliards, et 555 milliards avec les États-Unis.

La structure même des échanges bilatéraux pose problème : la Russie exporte principalement des matières premières et importe des machines-outils et des équipements industriels. C'est d'ailleurs l'une des raisons pour lesquelles Moscou, malgré des arbitrages difficiles (respect de la propriété

intellectuelle et concurrence sur les marchés mondiaux de l'armement), a décidé après 2014 de franchir un nouveau seuil dans les ventes d'armes (S-400, Su-35). Par ailleurs, la Chine investit beaucoup plus en Russie que l'inverse (9).

Des déséquilibres existent aussi au niveau de la zone frontalière. La situation de l'Extrême-Orient russe (désindustrialisation, dépeuplement...) est appréhendée par les autorités en termes de sécurité nationale : la possibilité d'une perte de souveraineté sur cette partie du territoire est jugée plausible en cas d'échec des programmes de développement. Si cela n'est pas dit, la perception de ce risque est liée en partie aux asymétries démographiques avec la Chine (1,1 habitant au kilomètre carré, contre 100 ou plus pour les provinces de la Chine du Nord) (10), ainsi qu'à l'activité économique chinoise qui s'y développe depuis les années 1990, réactivant les anciennes tensions liées au statut de ces territoires dans l'histoire commune. À la fin du XIXe siècle, déjà, la faiblesse du contrôle de l'État russe sur les régions de l'Amour et du Primorie avait donné lieu à la formation d'enclaves qui étaient sous l'emprise de fait de guildes commerciales chinoises, dont le Kremlin cherchait à réduire les activités (11). Au début des années 1990, des commerçants chinois investissent le marché russe extrême-oriental, alors caractérisé par de fortes pénuries, et y exportent quantité de biens de consommation courante. Au fil des ans, cette présence s'est diversifiée : commerce toujours, mais aussi agriculture, bâtiment, etc. (12).

Le programme de coopération de 2009 en témoigne, les deux gouvernements cherchent depuis quelques années à mieux orienter et encadrer les relations économiques entre les régions du Nord-Est chinois et de l'Extrême-Orient russe : Pékin, dans un souci de développement régional — l'Extrême-Orient comme marché « naturel » du Nord-Est chinois —, et Moscou, dans un souci de contrôle (13). La partie russe ne se montre d'ailleurs pas toujours très volontaire dans la réalisation de ce programme. C'est là l'effet croisé du manque de ressources financières et des inerties bureaucratiques, mais aussi d'une certaine ambivalence des autorités au niveau local et fédéral face à la présence économique chinoise. La Russie entend garder la main : elle a créé en 2012 un ministère du développement de l'Extrême-Orient, construit le cosmodrome (base de lancement) Vostotchny, modernisé la ligne ferroviaire Baïkal-Amour (BAM), rééquilibré sa politique extérieure vers l'Asie...

Certes, Moscou s'est résigné à l'idée que le développement de l'Extrême-Orient exigeait des investissements étrangers. Mais la Russie préférerait qu'ils soient de provenances multiples ; et, tout en admettant que sans main-d'œuvre étrangère le développement régional ne sera pas aisé, elle privilégie là aussi des afflux diversifiés. Le succès encore très relatif des mesures de relance de l'Extrême-Orient nourrit sa crainte récurrente que, *« à trop s'ouvrir vers le voisin chinois, l'Extrême-Orient ne se fige définitivement dans un rôle de simple fournisseur de matières premières, au détriment de tout espoir de diversification (14) »*.

La Russie tente aussi de contenir l'expansion économique chinoise en Asie centrale. Elle a par exemple, dans le cadre de l'OCS, refusé (avec le Kazakhstan) la création d'une zone de libre-échange, ou encore celle d'une banque de développement (15). C'était aussi l'un des objectifs initiaux de la création de l'Union économique eurasiatique (UEE), organisation d'intégration économique entre la Russie et quatre ex-républiques soviétiques (Arménie, Biélorussie,

Kazakhstan, Kirghizstan) lancée en janvier 2015. Les marges de manœuvre de Moscou demeurent cependant limitées, car ces États n'hésitent pas à signer des accords bilatéraux avec Pékin (énergie, investissements...) quand ils estiment que cela sert leurs intérêts. La Russie ne pèse pas lourd face à la force de frappe financière de la Chine, que le projet de nouvelles « routes de la soie » (Belt and Road Initiative, BRI) devrait amener à octroyer davantage de prêts et de crédits aux pays centre-asiatiques (elle-même doit recourir à des emprunts auprès de banques d'État chinoises, dans des conditions de négociation souvent très rudes).

De plus, après l'annexion de la Crimée, les États membres de l'UEE se montrent beaucoup plus méfiants dans leurs rapports avec la Russie. Moscou semble avoir perdu de sa cote de sympathie, qui l'avantageait régionalement face à une Chine dont la puissance inquiète. De la même manière qu'elle a dû constater que les investissements chinois n'obéiraient pas à des considérations géopolitiques liées à la « grande entente » sino-russe, mais bien à des objectifs de rationalité économique, la Russie constate que la dynamique chinoise en Asie centrale n'est pas infléchie par ses réticences et ses inquiétudes (cela est vrai aussi pour le Caucase et l'Ukraine, inclus dans la BRI) (16). Au mieux, elle parvient à sauver la face — de façon assez superficielle pour l'instant — grâce à l'annonce conjointe des présidents russe et chinois, en mai 2015, selon laquelle la BRI et l'UEE seront connectées. Nul ne sait si la signature, trois ans plus tard, d'un accord de coopération économique et commerciale Chine-UEE (contrôles douaniers, propriété intellectuelle, coopération intersectorielle et marchés publics, commerce électronique, concurrence...) produira des effets plus tangibles.

Le partenariat stratégique sino-russe est, en 2018, solide en raison de la soif de stabilité des deux pays et de leur rejet commun de toute intervention de l'Occident, États-Unis en tête, dans leur voisinage immédiat. Ce fondement robuste ne signifie toutefois pas que les deux puissances s'estiment tenues de se coordonner systématiquement sur les grands dossiers internationaux — même si chacune évite toute initiative susceptible de gêner l'autre, à défaut de la soutenir, sur les sujets d'importance stratégique. D'ailleurs, la Chine, partie forte du binôme, trace sa route et joue sa propre partition. Elle n'entend investir en Russie que si les projets sont économiquement convaincants et s'abstient de lui emboîter le pas dans sa critique virulente de l'Occident, avec lequel elle partage des intérêts économiques d'envergure.

Il revient à Moscou de traiter les facteurs qui creusent le différentiel de puissance, lequel érode son image, en attendant peut-être de compromettre sa sécurité. D'où, parfois, un regain de posture défensive, qui a contribué à faire capoter le rachat de 14 % du capital de la compagnie pétrolière Rosneft par le consortium CEFC China Energy. Jusqu'ici, Moscou s'est contenté de canaliser le « risque chinois » en s'efforçant d'établir une relation de confiance propre à réduire les sources de friction. Sa vitalité diplomatique et militaire au Proche-Orient le rassèrent momentanément en rééquilibrant visuellement le rapport de forces. Si le budget de la défense chinois reste largement supérieur (150 milliards de dollars en 2017, contre 45,6 milliards de dollars pour la Russie, selon l'Institut international d'études stratégiques [IISS]), Moscou l'emporte de très loin en matière d'armement nucléaire.

La Russie attend que Pékin donne des gages de sa volonté de dépasser les asymétries économiques — à travers des coopérations industrielles, des contributions au développement d'infrastructures

qui lui font tant défaut. Mais il n'est pas certain que la Chine le voie ainsi : tout en respectant son partenaire, elle ne se sent pas obligée de caler son rythme sur le sien, quel que soit le sujet. La balle est donc dans le camp de Moscou. Cela l'amènera-t-il à accélérer sa modernisation économique et à développer une approche plus ouverte des relations internationales ?

ISABELLE FACON

Chercheuse à la Fondation pour la recherche stratégique (FRS).

- (1) Dmitri Trenin, « [Russia's Asia strategy : Bolstering the eagle's eastern wing](https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/russieneivisions/russias-asia-strategy-bolstering-eagles-eastern-wing) [https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/russieneivisions/russias-asia-strategy-bolstering-eagles-eastern-wing] », *Russie.Nei. Visions*, n° 94, Institut français des relations internationales (IFRI), Paris, juin 2016.
- (2) NDLR. L'OCS n'a pas vraiment d'unité idéologique : l'Inde et le Pakistan s'affrontent au Cachemire, tandis que l'Inde et la Chine n'ont toujours pas réglé leurs problèmes de frontières.
- (3) Yang Cheng, « [Sino-Russian border dynamics in the Soviet and post-Soviet era : A Chinese perspective](https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/BCAS2013_Yang_Cheng.pdf) [https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/BCAS2013_Yang_Cheng.pdf] » (PDF), septième conférence de Berlin sur la sécurité en Asie, 1er et 2 juillet 2013.
- (4) Cf. Marc Lanteigne, « Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization : Diverging security interests and the "Crimea effect" », dans Helge Blakkisrud et Elana Wilson Rowe (sous la dir. de), *Russia's Turn to the East : Domestic Policymaking and Regional Cooperation*, Palgrave Macmillan, Basingstoke (Royaume-Uni), 2018.
- (5) Dmitri Trenin, « [Russia's Asia strategy... \[https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/russieneivisions/russias-asia-strategy-bolstering-eagles-eastern-wing\]](https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/russieneivisions/russias-asia-strategy-bolstering-eagles-eastern-wing) », *op. cit.*
- (6) Fu Ying, « [How China sees Russia](https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia) [https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia] », *Foreign Affairs*, New York, janvier-février 2016. Mme Fu Ying est présidente du Comité des affaires étrangères du Congrès national populaire.
- (7) Lire Didier Cormorand, « [Et pour quelques rochers de plus...](#) », *Le Monde diplomatique*, juin 2016.
- (8) « La politique étrangère de la Russie : regard sur 2018 » (en russe), RSMD, rapport n° 36, Moscou, 2017.
- (9) Olga Alexeeva et Frédéric Lasserre, « L'évolution des relations sino-russes vue de Moscou : les limites du rapprochement stratégique », *Perspectives chinoises*, n° 3/2018, Paris (à paraître).
- (10) Jean Radvanyi, « [Les paradoxes de l'Extrême-Orient russe : façade maritime dépressive cherche nouveaux moteurs de croissance](https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01436114/document) [https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01436114/document] » (PDF), *Regards de l'Observatoire franco-russe*, Cherche Midi, Paris, 2015.
- (11) Malin Østevik et Natasha Kuhrt, « [The Russian Far East and Russian security policy in the Asia-Pacific region](https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-69790-1_5) [https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-69790-1_5] », dans *Russia's Turn to the East...*, *op. cit.*
- (12) Jean Radvanyi, « [Les paradoxes de l'Extrême-Orient russe : façade maritime dépressive cherche nouveaux moteurs de croissance](https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01436114/document) [https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01436114/document] », *op. cit.*
- (13) Cf. Tobias Holzlehner, « Economies of trust. Informality and the state in the Russian-Chinese borderland », dans Caroline Humphrey (sous la dir. de), *Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands*, Amsterdam University Press, 2018.
- (14) Jean Radvanyi, « Les paradoxes de l'Extrême-Orient russe... », *op. cit.*
- (15) Alexander Gabuev, « [Taming the dragon : How can Russia benefit from China's financial ambitions in the SCO ?](http://eng.globalaffairs.ru/number/Taming-the-Dragon-17372) [http://eng.globalaffairs.ru/number/Taming-the-Dragon-17372] », *Russia in global affair*, 19 mars 2015, <http://eng.globalaffairs.ru> [http://eng.globalaffairs.ru]
- (16) Cf. « Chine-Russie : Moscou à l'initiative face aux nouvelles routes de la soie chinoises », *Revue Défense nationale*, n° 811, Paris, juin 2018.

Mot clés: Économie Frontières Géopolitique Relations bilatérales Relations internationales Asie Chine Russie Europe Ukraine Asie centrale États-Unis (affaires extérieures)

ТОЛЬКО О МОДЕ ДЛЯ МУЖЧИН

GQ Style

ОСЕНЬ-ЗИМА 2016/2017

68

ГОТОВЫХ
ОБРАЗОВ
НА ВСЕ
СЛУЧАИ
СВЕТСКОЙ
ЖИЗНИ

АГЕНТЫ
МОДЫ

МАЙКЛ КОРС

КИМ ДЖОНС

СКОТТ КЭМПБЕЛЛ

ПЕТР АКСЕНОВ

ДЕНИС
СИМАЧЕВ

ПРЯЧЕТСЯ
НА КОНСПИРАТИВНОЙ
КВАРТИРЕ

КОСТЮМНАЯ ДРАМА

КУРТКИ КАК У ГУСАРОВ, САПОГИ КАК У КОВБОВЕВ,
ПАЛЬТО КАК У ГАНГСТЕРОВ

ISSN 1995-0608
9 771995 060775

16019

№ 19

оасть в мастерскую Иваны Плюща не так-то просто. Можно сказать, что путь к Плющу лежит только на черной доске из центра, догнать и миновать пробки, если вы не планируете лирически улететь. И вот, когда вы уже почти пишется курьеза и поворачивается голова, вы оборачиваетесь и видите огромную обшарпанную здание заброшенной советской фабрики, у дверей которой висит молодой человек, чьи интеллектуальные очки уравниваются брелком головы. Это и есть Плющ, а фабрика – верный знак – его студии «Непомогенки».

«Здесь сговорились одно время дагилы», – улыбается Плющ, делая кинжол в большую шапку с серыми рымми кофее. Его мастерскую с вывеской на заднем дворе можно было бы назвать просторной, если бы почти вся она не была заставлена какими-то коробками, банками и странными содержимыми картонными, не говоря уже о том, что пахнет свежей краской. Немногие оставшиеся свободными метры заняты большим холстом, над которым склонилась с тяжелой кистью девушка Плюща Ирина. Сне не менее оригинальной фанфила Дрозд. «Непомогенки» сменяют этаж уже лет десять – вылезла из мастерской, вы гуляете диланский коридор с мнотворством дверей, за каждой из которых творит скульптор и художник.

ЛИГА ПЛЮЩА

Плющовая расчлененка и стекающая по картинкам краска привели к тому, что художника Ивана Плюща оторгла академическая среда, зато за его работами охотятся галереи, музеи и даже принцы.

ТЕКСТ: ДМИТРИЙ А. БЫКОВ

GO STYLE
ОСЕНЬ-ЗИМА 2014/15

все было уютно рухнуло из лондона стоило и паники. Назывались инсталляция «Плющев провакцинизм», и так она поразила жюри, что Плющ получил не только премию, но и приглашение работать на стажировку в престижной резиденции «Сити дэз Ар».

Я решил отплатить корням Плюща, и художник соглашается устроить в своей ботанической мастерской «член очень не нравился в школе, забывает сильно. Потом пошел в художественные училища».

«Зачем, что рисуют в наших художественных училищах до сих пор? Бывает сидит на сканельке около разваливающейся лубочки, проматываясь орнаментное небо, а в окне отражается рыбка с подложкой, а потом, что это неважно. И испортит отношения с самыми влиятельными педагогами».

Ира не отвлекается от работы, напоминает, что отношения портятся не только с педагогами. «Да – кивает Плющ, – был еще смешной случай. Делали выставку в Милане. Там была витрина как на гастроном. И в ней лежали разные части тела, ушки, ручки, ноги, гипсовые, но очень натуралистичные, унаследованные в целлофане. Мы их разложили и ушли. А когда вернулись, обнаружили, что витрина накрыта черной тряпкой. Потому что бодритесь, ставили за экспозицией, решили, что по-казывать это людям нельзя. Скоро в одной газете вышла показывать расчлененку».

Но, конечно, не просто так основана Плющев студия. Членится на просветле Неломогенки у Плюща Мужества. Уморивая и ставя приюстит плюще, седенье его работы – в Фринтоне и Русском музее, а еще в Амстердаме и Эрмитаже, где он сам проводит немало времени. И творчество его пользуется успехом не только у галеристов. «Одну из своих работ я продал забравшему в студии инсталляцию за выставляемого сумму. А потом случайно увидел его на обложке лондонского журнала, он стоял на фоне моей работы, а внизу была подпись: «Принц Хубертус фон Гомеконд». Это было черпакский принцон».

1. Рван 1, 168 x 178 см, холст, апрель, 2006
1. «Горюха», 149 x 149 см, холст, апрель, 2009
1. Glass disease, 1, стрелка, пастрипорт, январь, 2015
4. «Плющев провакцинизм», инсталляция, 2014
5. Deformation #5, 198 x 147 см, холст, апрель, 2014
6. «Закладки», 500 x 400 см, холст, апрель, 2011

МНЕ ОЧЕНЬ НЕ ПРАВИЛОСЬ В ШКОЛЕ, ЗАБИВАЛ СИЛЬНО. ПОТОМ ПОШЕЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ РЕПИХА – ВЫГОНЯЛИ ДВА РАЗА, ТАК И НЕ ЗАКОНЧИЛ.

ФОТО: МАКСИМ БАЕВ III, АРХИВ ПРЕСС-СЛУЖБЫ

ИСКУССТВО

ИВАН ПЛЮЦ

05.07.2018 | 0 | Posted by study

«Ток Шоу» 149x149 см

Холст/акрил 2010

Иван Плющ: «Современное искусство в России погубит не искусственный интеллект, а платежеспособные домохозяйки и самодуры»

Текст: [Марина Альвитр](#)

Фото: [Ника Бунина](#)

МА

* Марина Альвитр — галерист, основательница Alvit Gallery.

И П: Вопрос качества искусства, конечно, сложный и тут, наверное, логично говорить с арт-критиками и кураторами, но это если спрашивать мое мнение. Художник сегодня не ремесленник, но мыслитель. Очень важно именно думать, и когда я начинаю проект, сначала я очень долго выстраиваю идею проекта, которую хочу воплотить. Идея — это действительно основа, на которую должно в последствии лечь визуальное воплощение.

ИП

* Иван Плющ — российский художник. Сотрудничает с галереей современного искусства Anna Nova и рядом зарубежных галерей.

М А: Иван, ты современный художник, а отношение в России к современному искусству неоднозначное. Кто-то просто говорит, что его «не любит», кто-то, наоборот, принимает все, что происходит в искусстве сегодня, но не воспринимает его критически. На мой взгляд, и нелюбовь и всеядность одинаково плохи. Но что такое искусство «качественное»? Это один из самых частотных вопросов, который я слышу. Скажи, ты как художник, как бы ответил на этот вопрос?

М А: А я вот часто сталкиваюсь с мнением, что идея не важна. Художник придумывает ряд работ, а потом говорит: «Хорошо, сейчас всем нужна концепция –придумаю, не вопрос». Или, вообще, принципиально отказывается от каких-либо законченных высказываний.

И П: Ты знаешь, на самом деле, с одной стороны, я не совсем понимаю и не согласен с художниками, которые отказываются от проговаривания и объяснения своих работ. Это позиция немного странная, так как искусство – это не создание картинок, но критическое осмысление реальности и передача смысла через визуальный образ: идея должна читаться в самом искусстве, а не быть искусственно придуманной. Это и есть качественное искусство. Техника тоже сегодня зависит от идеи, а не наоборот.

М А: Ты, в основном, занимаешься живописью, почему? Как это помогает раскрыть твою идею?

И П: Есть небольшая разница между живописью и картиной. Картина – это визуальное решение идеи, философского вопроса на плоскости, живопись также еще решает все вопросы этой техники в контексте истории искусств. Но, конечно, в основном, я занимаюсь картиной. Хотя я также делаю скульптуры, инсталляции, и последний мой проект «Эффект липких пальцев» – это тотальная инсталляция, выполненная в галерее, которая также включала в себя и картины. На мой взгляд, это очень интересный вариант.

«Эпизод 3» 149x149 см

Холст/акрил 2011

Canvas/acrylic

«Эпизод 4» 149x149 см

Холст/акрил 2011

Canvas/acrylic

Одна из моих центральных идей – это невозможность человека найти место в современном мире.

М А: Но все-таки живопись, или картина, остается основной.

И П: Да, на это есть ряд причин. Во-первых, я все-таки российский художник, а здесь школа живописи исторически была доминирующей, и я обращаюсь, наверное, к самой сильной стороне российского искусства, во-вторых, я действительно и визуально, и через идеи чувствую себя в канве развития мировой живописи: близкие мне художники Магрит, Нео Раух, возможно, Дали, в последней серии я нашел диалог и с Густавом Климтом, поэтому, да, и вопросы живописи мне важны и интересны.

М А: Художники, которых ты назвал, относятся к сюрреализму или нео-сюрреализму, мог бы ты себя также отнести к этим жанрам?

И П: Наверное, это справедливо лишь от части, я просто рассуждаю о проблемах и задачах, изменениях, которые происходят в современном обществе. Сюрреализм здесь, наверное, оказывается, самым уместным как язык, актуальным, но я бы не стал относить себя к нео-сюрреализму. К тому же, как мне кажется, у любого качественного художника должна быть своя деталь, свой язык, который отличит его от других. Для меня это горизонтальное течение краски, которое очень хорошо соотносится с теми идеями, которые я хочу передать.

М А: И все же, с помощью каких приемов ты передаешь идеи? Расскажи побольше о том, как твоя идея, смысл находят визуальное воплощение в живописи.

«Бархат» 149x149 см

Холст/акрил 2009

Canvas/acrylic

«7 Red Balls» 89x198см

Холст/акрил 2016

Canvas/acrylic

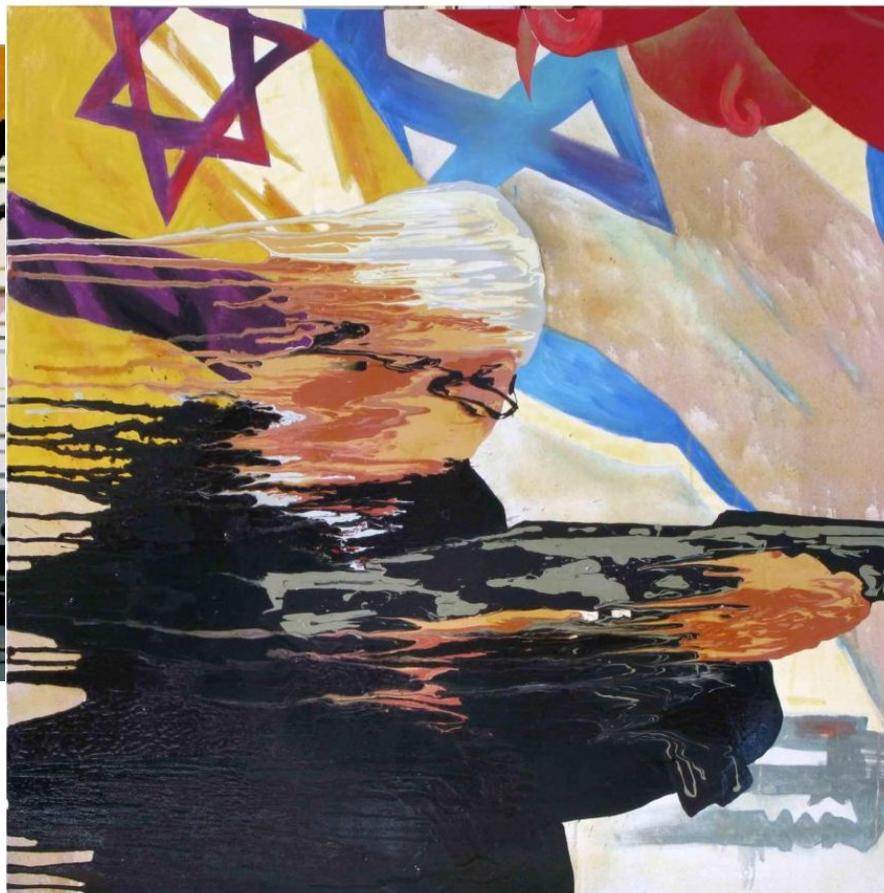
И П: Одна из моих центральных идей – это невозможность человека найти место в современном мире. Некая проблема сцепки современной реальности и человека, реальность будто вытесняет его, выталкивает из себя, и человек вынужден искать новые формы существования: например, реальность виртуальную, прошлые воспоминания. Мир в его сознании начинает будто бы «топорщиться» и создавать некие фантомы. Это находит свое отражение в живописи: она состоит из двух планов. Первый, это декорации, окружающий мир, в котором легко узнать или бытовые предметы, или места, или домашние интерьеры. Я создаю его с помощью механические приемов, лишаю каких-то живописных мазков, он максимально вычищен, создан механистически и плоско. А второй слой – это пространство персонажа, который медленно вытекает из предложенного мира, так как оказывается неуместен там. Здесь есть и вопрос времени, и памяти, и современная проблема дизайна человеческого тела, психики человека. Я специально, позволяю краске просто течь, не смазываю её, жду пока процесс завершится самостоятельно.

«Ток Шоу» 149x149 см

Холст/акрил 2010

Canvas/acrylic

«Толерантность» 149x149 см

Холст/акрил 2010

Canvas/acrylic

М А: То есть в обоих планах ты убираешь из живописи ее основную характеристику: руку художника, которая пишет «живо» и передает жизнь. А ты не пробовал использовать другие варианты передачи изображения на холсте?

И П: Сейчас думаю о том, чтобы довести идею искусственного первого плана, декораций до логического конца и использовать, возможно, шелкографию или печать, проект пока находится на этапе идеи, но будет интересно в любом случае. Сейчас очень активно обсуждается проблема восприятия человеком

Опять же «Эффект липких пальцев» был посвящен проблеме телепортирования тел: она активно существует и развивается сегодня, но есть проблема сцепления предмета и инструмента, который его переносит. А, например, в инсталляции «Красная жила» я раскрываю проблему возврата к старому, попытку возродить умершие режимы.

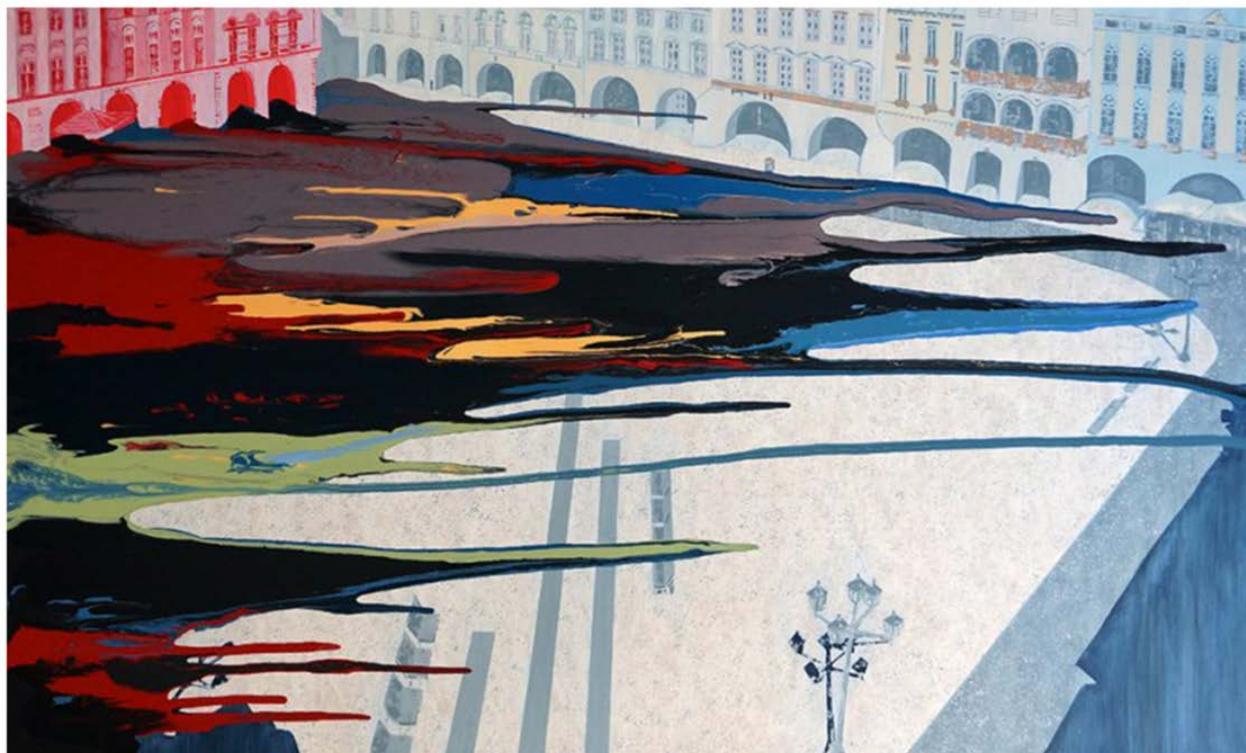
М А: Сейчас активно говорят об искусственном интеллекте, который оказывается эффективнее самых передовых инженеров, может писать музыку и снимать кино, которое будет популярным, искусство, которое будет нравиться. Как думаешь, актуальны ли эти проблемы для России?

настоящей реальности как совершенно безынтересного пространство не-существования (non-existing place), и на эту тему я бы хотел порассуждать.

М А: А какие современные проблемы тебя интересуют? Искусственный интеллект? Изменение восприятия своего тела? Виртуальные технологии? Все это очень активно обсуждается сейчас в искусстве и находит осмысление через различные медиа.

И П: Честно, волнуют все эти вопросы, и так как мир меняется невероятно динамично сегодня, очень сложно отследить те изменения, которые с нами происходят в актуальном времени. Для этого я много общаюсь со своими друзьями философами и культурологами, живущими в Америке и Европе, так как, конечно, актуальные процессы происходят там. Постоянно читаю, смотрю, осмысляю.

И П: Мне кажется, российскому искусству угрожает не искусственный интеллект, а платежеспособные домохозяйки и самодуры. Главная черта и отличие человека от ИИ – это ирония, юмор, иррациональность. Все это присуще настоящему искусству. Самые важные художники всегда делали так, как было не задумано, отвергли повторение за кем-то и меняли, таким образом, представление об искусстве в целом. Не знаю, как это будет получаться у искусственного интеллекта, но в российском искусстве и без этого куча проблем.

«These are people» 119x119 см

Холст/акрил 2016

Canvas/acrylic

Я работаю с галереями в Париже и Америке и участвую в международных выставках, что, на самом деле, очень радует. Художник сегодня не должен и не может существовать только в локальном контексте .

М А: Какие проблемы кажутся тебе наиболее важными? Вторичность? Отсутствие интереса к новым идеям со стороны государства? Низкий уровень профессиональных знаний?

И П: Да, это все точно присутствует. Беда еще в том, что в России безумно мало институций, работающих с современным искусством: несколько музеев, 15 галерей на всю страну, 5 кураторов и так далее. Сейчас любой человек, у которого есть достаточно денег, может открыть институции и влиять на развитие искусства: каких художников он поддерживает? Почему? Часто это может быть не профессиональный выбор, но обычное высказывание из разряда «хочу — не хочу». И это его право, конечно, он может веселиться как хочет, но так как нет конкуренции и альтернативы, художники начинают подстраиваться под вкус.

М А: А с точки зрения образования? Насколько тебе кажется оно достаточно профессиональным для кураторов, например.

И П: Как тебе сказать, вопрос не в образовании, но, наверное, в системе в целом. Сейчас в Петербурге из Смольного университета, например, выпучился курс магистрантов-кураторов. Эти люди проучились 6 лет, а что они будут курировать? Куда пойдут? Я не понимаю. При том, что зарплаты находятся на таком уровне, что, чтобы поработать куратором, нужно еще будто доплатить. И как правило, в такой ситуации, кураторами становятся не люди, получившие профессиональное образование, но, например, скучающие домохозяйки, у которых достаточно денег и связей, чтобы сделать выставку, но профессиональный уровень, понятно, будет низким, из разряда «нравится — не нравится», «ой, классно — не классно»

М А: И что же делать? Что, вообще, такое быть российским художником?

И П: Я думал об этом достаточно много: о системе, проблеме и рынка, и институций, и всего остального, и мне кажется, единственный вариант: это сложный личностный рост, изучение, нахождение информации, совершенствование английского языка тоже важный аспект, так как информация, переведенная на русский, сейчас уже априори может считаться устаревшей. Я работаю с галереями в Париже и Америке и участвую в международных выставках, что, на самом деле, очень радует. Художник сегодня не должен и не может существовать только в локальном контексте.

М А: Иван, спасибо тебе за интервью, и желаю тебе всяческих удач.

